

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на новый двухнедельный

ЛИТЕРАТУРНО И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„Съверная Пальмира“.

Журналъ будетъ выходить книжками по 10 печатныхъ листовъ (160 страницъ) каждая.

Въ 1906 году въ журналъ будутъ помѣщены:

Кеннанъ.—Сибирь и ссылка.
Тюрьмы въ Россіи.

Процессъ Нечаева.

50-ти.

193-хъ.

20-ти.

Лейтенанта Шмидта.

Докладъ П. С. Ванновскаго о студенческихъ безпорядкахъ 1899 года. (Доселѣ еще не напечатанный въ Россіи).

Флетчеръ.—О Государствѣ Россійскомъ.

Радищевъ.— Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву.

Биографіи дѣятелей освободительнаго движенія.

Исторія Петропавловской крѣпости.

Исторія Шлиссельбургской крѣпости.

Кромѣ того будутъ помѣщены сочиненія, до сихъ поръ еще не изданныя въ Россіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ безъ доставки—4 р., съ доставкой въ С.-Петербургъ и пересылкой во всѣ мѣстности Россіи—5 руб.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна книжки безъ пересылки 25 коп.; съ пересылкой—35 коп.; наложеннымъ платежомъ—45 коп.

Подписка принимается въ Конторѣ Книгоиздательства В. С. Туманина, С.-Петербургъ, Верейская, № 27.

Издатель В. С. Туманинъ.

Редакторъ А. Д. Столяничъ.

Главная контора и редація—С.-Петербургъ, Верейская, № 27.
Редакторъ принимаетъ лицъ, имѣющихъ къ нему надобность, по субботамъ отъ 1 до 3-хъ дня.

Д О К Л А Д Ъ

П. С. ВАННОВСКАГО

о студенческихъ безпорядкахъ

1899 года.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„СЪВЕРНАЯ ПАЛЬМИРА“

(В. С. Туманина).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Т-во Р. Голикъ и А. Вильборгъ.
1906.

mw
A35 $\frac{7}{28}$

ДОКЛАДЪ П. С. ВАННОВСКАГО О СТУДЕНЧЕСКИХЪ БЕЗПОРЯДКАХЪ 1899 ГОДА *).

8 февраля, день годовщины открытія и торжественнаго акта въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, съ давнихъ поръ сопровождается болѣе или менѣе значительными уличными безпорядками, вызывающими вмѣшательство полиціи. Это явленіе, въ равной мѣрѣ свойственное и другимъ русскимъ университетамъ, извѣстно въ учебныхъ заведеніяхъ Европы. Въ Германіи эти дни ознаменовываются разнаго рода демонстративными шествіями студентовъ, буйствомъ на улицахъ, сниманіемъ съ оконъ ставень, тушеніемъ уличныхъ фонарей и т. п. безчинствами. Даже строго дисциплинированной школѣ извѣстны нерѣдкіе случаи бурныхъ столкновеній съ начальствомъ заведеній и полицейскими властями.

Разслѣдованіемъ установлено, что въ нарушеніи студентами Университета въ день 8 февраля уличнаго безпорядка въ С.-Петербургѣ путемъ устройства тотчасъ по окончаніи акта шествій съ пѣснями по улицамъ столицы, а вечеромъ устройствомъ въ театрахъ и разнаго рода увеселительныхъ заведеніяхъ, принимала участіе сравнительно небольшая группа студентовъ, что не только не пользовалось сочувствіемъ, но постоянно вызывало неодобреніе со стороны большинства учащейся молодежи.

Вечеръ 8 февраля ежегодно проводится студентами частью въ увеселительныхъ заведеніяхъ, а частью въ

*) Настоящій докладъ до сихъ поръ по цензурнымъ условіямъ въ Россіи напечатанъ не былъ. Ред.

особо разрѣшаемыхъ Градоначальникомъ чаепитіяхъ. На эти послѣднія допускаются, подъ отвѣтственностью тѣхъ студентовъ, коимъ разрѣшается устройство такихъ вечеринокъ, лишь извѣстное, заранѣе опредѣленное, сообразно съ вмѣстимостью залъ, количество посѣтителей, приглашаются профессора, публицисты и разнаго рода общественные дѣятели, и говорятся рѣчи научнаго, литературнаго, а иногда и политическаго содержанія. На эти вечеринки проникаютъ агенты охраннаго отдѣленія, такъ что это послѣднее своевременно освѣдомляется не только о ходѣ занятій на чаепитіи, но и о содержаніи всѣхъ сказанныхъ рѣчей и бесѣдъ.

По свѣдѣніямъ департамента полиціи, нарушеніе учащеюся молодежью уличной тишины и спокойствія съ особенной силой выразилось вечеромъ и ночью 8 февраля 1895 г., когда, помимо слѣдованія съ пѣснями, столкновенія съ полиціей и публикой въ нѣкоторыхъ ресторанахъ и увеселительныхъ заведеніяхъ, толпа студентовъ учинила буйство близъ ресторана Палкина на углу Невскаго и Владимірскаго проспекта, окончившееся дракой съ приглашенными мѣстнымъ приставомъ для усмиренія ихъ дворниками, каковое обстоятельство вызвало особое правительственное сообщеніе, опубликованное въ „Прав. Вѣстн.“ (№ 36, 95 г.).

Слѣдующій затѣмъ 1896 годъ прошелъ совершенно спокойно, но 8-го февраля 1897 г. была учинена новая попытка обычнаго уличнаго шествія: часовъ около 4-хъ дня толпа студентовъ, не менѣе 500 человѣкъ, перешла Неву, направилась съ пѣніемъ къ Дворцовой площади и прорвала двинутую на нее цѣпь городовыхъ, но, будучи встрѣчена градоначальникомъ, подчинилась его убѣжденіямъ и, давъ слово пройти на Невскій пр. безъ пѣсенъ, слово это сдержала и въ полномъ порядкѣ прослѣдовала къ Знаменской площади.

Въ прошедшемъ 1898 г. день университетскаго акта вызвалъ снова столкновеніе съ чинами полиціи. Толпа около 700 человѣкъ двинулась къ Дворцовому мосту, смяла встрѣченный полицейскій нарядъ и затѣмъ, сильно уменьшившаяся, но все еще въ количествѣ около 300 чел., пошла, несмотря на воспрещеніе полиціи, съ пѣ-

ніемъ по Невскому пр., оказавъ непослушаніе встрѣтившему ее близъ Дворцоваго моста градоначальнику. Послѣ столкновенія съ остановившимъ ее близъ Екатерининской улицы полицейскимъ отрядомъ, толпа разбилась на мелкія группы и разошлась. Прослѣдовавшая мимо этой толпы Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна была встрѣчена восторженнымъ: „ура“. Какъ сказано выше, въ установившемся обычномъ шествіи по улицамъ и въ нарушеніи общественной тишины принимала участіе незначительная часть учащейся молодежи. Такъ, наибольшее число ихъ въ 1898 году около 700 человѣкъ составляло по отношенію къ общему въ томъ году количеству студентовъ С.-Петербургскаго университета (3788) лишь 18⁰/₁₀₀, т. е. менѣе одной пятой, при чемъ поведеніе ихъ никогда не встрѣчало сочувствія большинства. Въ текущемъ году студенты подавляющимъ большинствомъ рѣшили 8 февраля не устраивать никакихъ шествій, увеселительныхъ заведеній вечеромъ и ночью этого дня не посѣщать, выходить изъ университета по окончаніи акта не толпою, а отдѣльными группами, и избѣгать всякихъ столкновеній съ полиціей. Это рѣшеніе студентовъ было еще 4 февраля извѣстно Обществу вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ, однимъ изъ членовъ котораго состоитъ чиновникъ особыхъ порученій при С.-Петербургскомъ градоначальникѣ; сравнительно задолго оно стало извѣстнымъ и нѣкоторымъ офицерамъ мѣстнаго жандармскаго дивизіона; съ 2 февраля зналъ о такомъ рѣшеніи и начальникъ отдѣленія по охраненію общественной безопасности и порядка въ С.-Петербургѣ — полковникъ Пирамидовъ, выразившей, однако, сомнѣніе, что меньшинство подчинится этому рѣшенію, и потому опасавшейся повторенія прежнихъ безпорядковъ. Въ это время ректоръ университета и управляющій учебнымъ округомъ узнали, по ихъ словамъ, объ этомъ рѣшеніи студентовъ только послѣ 8 февраля, а по удостовѣренію ген.-маіора Клейгельса, свѣдѣній объ этомъ рѣшеніи онъ не имѣлъ вовсе. Нѣсколько ранѣе этого министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ, съ своей стороны, принять мѣры къ предупре-

ждению всякой возможности повторения уличныхъ безпорядковъ въ день университетскаго праздника 8 февр. 1899 года. 4 и 25 ноября, и 9 декабря 1898 г. д. т. сов. Горемыкинъ сообщилъ т. сов. Боголѣпову свѣдѣнія о 2 случаяхъ совершения студентами Университета проступковъ противъ управленія, за время—съ 1 сентября по 27 ноября того года. Указывая, что студенческой годовой праздникъ, по установившейся традиціи, сопровождается дракою, буйствомъ и нарушеніемъ порядка въ публичныхъ мѣстахъ, и что за послѣднее время, со стороны студентовъ Университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, проявлено много фактовъ, свидѣтельствующихъ объ усиленіи среди учащейся молодежи пренебреженія къ существующимъ законоположеніямъ относительно уличнаго порядка и спокойствія, д. т. с. Горемыкинъ присовокупилъ, что, не признавая возможнымъ терпѣть долѣе уличные безпорядки и сопротивленіе чинамъ полиціи со стороны учащейся молодежи, вынужденъ будетъ, при повтореніи ихъ, принять строгія мѣры и высылать изъ столицы такихъ лицъ на основаніи положенія объ усиленной охранѣ.

Сопоставленіе приведеннаго сообщенія министра внутреннихъ дѣлъ съ данными, имѣющимися въ производствѣ Министерства Нар. Пр., указываетъ:

1) Что на основаніи 524 ст. XI ч. I свода уставовъ ученыхъ учреждений и учебныхъ заведеній, о всякомъ преступленіи или проступкѣ, совершенномъ студентами внѣ Университета, полиція немедленно увѣдомляетъ университетское начальство. До послѣдняго времени такія увѣдомленія получались болѣе или менѣе своевременно и виновные въ уличныхъ безпорядкахъ студенты, независимо отъ слѣдуемаго имъ по суду наказанія, подвергались дисциплинарнымъ взысканіямъ. Между тѣмъ, о приведенныхъ выше 2 случаяхъ университетское начальство никакихъ свѣдѣній отъ полицейскихъ властей не получало.

2) Что 46 студентовъ, принимавшихъ участіе въ указанныхъ 28 случаяхъ нарушенія общественнаго по-

рядка, по отношенію къ общему числу учащихся составляютъ не болѣе одного процента въ годъ.

3) Что сопоставленіе свѣдѣній о количествѣ проступковъ въ предшествовавшіе годы, какъ видно изъ прилагаемой при семъ таблицы, показываетъ, что если въ 1898 г. вообще и замѣтно нѣкоторое увеличеніе ихъ, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ (91 противъ 57), то по отношенію къ общему числу студентовъ (3788) количество виновныхъ въ такихъ проступкахъ составляетъ всего 25⁰/₁₀ въ годъ, т. е., около 2 въ мѣсяць.

4) 30-го января 1899 г. д. т. сов. Горемыкинъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что, въ виду предстоящаго праздника 8-го февраля, имъ предложено градоначальнику озаботиться предупрежденіемъ какихъ-либо нарушеній студентами общественнаго порядка и просилъ объявить о запрещеніи ходить по улицамъ съ пѣснями и объ установленіи надзора за разрѣшенными въ этотъ день чаепитіями. Съ своей стороны мин. нар. пр. въ особомъ совѣщаніи 13-го января высказалъ, что уличные безпорядки прежнихъ лѣтъ ни въ коемъ случаѣ терпимы не будутъ и возбудилъ вопросъ о необходимости предупрежденія студентовъ относительно поведенія ихъ въ день годового праздника. Въ исполненіе сего правленіемъ университета было составлено особое отъ имени ректора объявленіе, которое съ разрѣшенія мин. нар. пр. и было 1-го февраля вывѣшено въ Университетѣ. Копія этого объявленія 5 февраля попечителемъ учебнаго округа представлена т. сов. Боголѣпову.

Указаннымъ объявленіемъ ректоръ университета представляетъ на видъ студентамъ совершаемая ими въ день акта нарушенія порядка и спокойствія на улицахъ столицы и въ общественныхъ собраніяхъ, что даетъ поводъ къ прискорбнымъ столкновеніямъ и вызываетъ неудовольствіе публики, которая давно обратила вниманіе на эти безпорядки и осуждаетъ за нихъ все студенчество, тогда какъ въ нихъ участвуетъ небольшая его часть. Указывая на необходимость исполнять законы и охранять честь и достоинство университета,

ректоръ приводитъ выписки изъ соотвѣтствующихъ статей уголовного кодекса, съ указаніемъ положенныхъ за уличные проступки наказаній.

Объявленіе это, копія съ котораго при семъ прилагается, было вывѣшено въ Университетѣ въ субботу 1-го февраля около 4—5 час. пополудни. Уже въ первый затѣмъ будничнй день 3 февраля у объявленія оставливалось значительное количество студентовъ, внимательно его читавшихъ. Двое (студ. Купановъ и Абрамсонъ) даже списали его, какъ документъ, имѣющій историческое значеніе. По удостовѣренію ряда допрошенныхъ студентовъ свидѣтелей объявленіе произвело на нихъ удручающее впечатлѣніе: оно напомнило имъ то, что безъ того имъ было хорошо извѣстно, чѣмъ большинство ихъ возмущалось и противъ чего они сами рѣшили принять мѣры; въ затѣмъ теплаго слова, вмѣсто воздѣйствія на нравственное чувство—оно угрожало уголовными карами, выставляя студенчество, по выраженію одного свидѣтеля, дикою толпою, съ которою можно справиться лишь посредствомъ угрозы физической болью. Обиднымъ казалось и то, что вечерніе кутежи и буйства въ день 8-го февраля ставятся въ вину всему студенчеству, тогда какъ въ дѣйствительности, какъ то признаетъ и само объявленіе, они были дѣломъ незначительнаго меньшинства. Достоверность приведенныхъ выше показаній подтверждается съ одной стороны начальникомъ отдѣленія по охраненію общественной безопасности и порядка въ С.-Петербургѣ полковникомъ Пирамидовымъ, удостовѣряющимъ на основаніи полученныхъ агентурнымъ путемъ свѣдѣній, что студенты были недовольны объявленіемъ ректора, усматривая въ немъ нарушенія традиціонныхъ вольностей, а съ другой—объясненіемъ управляющаго учебнымъ округомъ д. с. сов. Лаврентьева, признающаго объявленіе безтактнымъ и для студентовъ обиднымъ. Утверждая, что, если бы былъ своевременно ознакомленъ съ текстомъ этого объявленія, онъ употребилъ бы все отъ него зависящее, чтобы оно вывѣшиваемо не было, д. с. сов. Лаврентьевъ присовокупляетъ, что въ прежнее время такихъ объявленій никогда не бывало.

Это послѣднее обстоятельство подтвердилъ и инспекторъ студентовъ Альбрехтъ. 3-го февраля объявленіе появилось въ газетахъ, что вызвало еще большее негодованіе студентовъ, смотрѣвшихъ на это, какъ на публичное оглашеніе ихъ домашнихъ порядковъ, какъ на напоминаніе обществу, и безъ того недоброжелательно относившемуся къ ихъ поведенію, того, что имъ самимъ хотѣлось заставить его позабыть.

Считая авторомъ этого объявленія ректора университета и полагая почему-то, что опубликованіе въ газетахъ состоялось по его распоряженію, студенты начали затѣмъ волноваться и явно высказывали свое неудовольствіе поступку ректора. Это обстоятельство, временно замѣченное нѣкоторыми чинами инспекціи (пом. инсп. Слонимскимъ, Никитниковымъ и Орнатскимъ) не вызвало со стороны высшаго университетскаго начальства никакихъ мѣропріятій. 6-го февраля во время утренней лекціи проф. Туганъ-Барановскаго, по рукамъ студентовъ ходила записка, приглашавшая собраться на сходку для обсужденія вопроса о посылкѣ вѣнка на гробъ скончавшагося президента Французской республики Фора. По окончаніи лекціи сходка эта, о которой было извѣстно инспекціи, которая ей не препятствовала, дѣйствительно собралась въ одной изъ обширнѣйшихъ аудиторій (IX), но около 12 час. 30 мин. въ аудиторію эту явился должностной чинъ, въ ней читать лекцію проф. Петражицкій, и она была очищена инспекціей (?) для слушателей этого профессора, при чемъ удаленные изъ нея студенты перешли на площадку главной лѣстницы и стали разсуждать уже по поводу объявленія. Всѣ сходились на необходимости выразить въ какой-либо формѣ протестъ ректору за его объявленіе, и первой мыслью было вовсе не являться на актъ, что было однако отвергнуто въ виду невозможности извѣщенія о томъ почти 4000 студентовъ; затѣмъ меньшинство предлагало освистать ректора на публичномъ актѣ, а большинство высказалось за безмолвный протестъ—демонстративнымъ въ полномъ порядкѣ выходомъ всѣхъ студентовъ изъ зала въ моментъ появленія ректора на кафедрѣ. Несмотря на предложеніе находившагося все время на площадкѣ инспек-

тора прекратить сходку, студенты разошлись только на исходѣ второго часа, при чемъ кѣмъ-то изъ нихъ объявление ректора вмѣстѣ съ рамой было со стѣны со-рвано, покрывавшее его стекло разбито, а самое объявление изорвано. Виновные въ этомъ студенты остались не обнаруженными. На сходкѣ этой участвовало около 400 человекъ, и было рѣшено, что участники ея займутъ средній проходъ между стульями, чтобы быть замѣтнѣе ихъ демонстративный выходъ изъ зала. Независимо отъ сего было подтверждено о необходимости соблюдать въ день акта порядокъ на улицѣ и избѣгать всякихъ столкновений съ полиціей. Лица, участвовавшія на этой сходкѣ, своевременно инспекціей замѣчены не были и при разслѣдованіи обнаружены быть не могли. О рѣшеніи сходки было своевременно извѣстно инспекціи и ректору. 7-го февраля послѣдній доложилъ объ этомъ министру, но никакихъ указаний или инструкцій ни со стороны т. сов. Боголѣпова, ни со стороны Ректора не послѣдовало.

Одновременно съ этимъ, СПбургскимъ Градоначальникомъ было организовано особое совѣщаніе для обсуждения мѣропріятій на 8-ое февраля. Въ составъ этого, происходившаго подъ предсѣдательствомъ генер.-маіора Клейгельса, совѣщанія вошли 4 полицеймейстера гор. СПб., упомянутый выше полковникъ Пирамидовъ и и. д. начальника полицейскаго резерва ротмистръ Галле. Совѣщаніемъ этимъ выработано особое секретное приложение къ приказу 7-го февраля за № 38, въ которомъ подробно изложено расположеніе и движеніе полицейскихъ нарядовъ. За исключеніемъ этого приказа никакихъ другихъ указаний или инструкцій чинамъ полиціи даваемо не было, при чемъ исполнителямъ приказа предоставлено было въ случаѣ надобности отступать отъ указаний и дѣйствовать по собственной инициативѣ. Приказъ этотъ, прилагаемый, останавливаетъ на себѣ вниманіе въ слѣдующемъ:

1) Главною цѣлью приказа было воспрепятствовать выходящимъ изъ университета студентамъ по окончаніи акта идти, по примѣру прежнихъ лѣтъ, толпой по Невскому просп. или мимо Зимняго Дворца, и въ сихъ ви-

дахъ прилегающія къ Васильевскому Острову части города были распределены на три дистанціи, ввѣренныя каждой особому полиціеймейстеру, съ соответствующимъ числомъ полицейскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Эти отряды были сосредоточены на Петровской площади, на Литейной ул. близъ Александровскаго моста и на пересѣченіи Невскаго пр. съ Большой Морской ул. 2) Особенно значительныя полиційскія силы были сосредоточены на прилегающей къ Невѣ части Вас. Остр., вблизи зданія университета и состояли изъ 9 полицейскихъ приставовъ и офицеровъ, 50 околоточныхъ надзирателей, 520 городскихъ, 3 отдѣлений конно-полицейской стражи и одного эскадрона жандармскаго дивизиона. Общее начальство этими силами было ввѣрено и. д. участкаго полиціеймейстера капитану барону Нолькену и начальнику полицейскаго резерва барону Галле. Отрядъ этотъ частью былъ расположенъ во дворѣ Академіи Наукъ, частью во дворѣ близъ лежащаго зданія Таможеннаго вѣдомства. Приказъ этотъ въ качествѣ секретнаго объявленъ во всеобщее свѣдѣніе не былъ, а такъ какъ особаго распоряженія о томъ, какіе пути съ Вас. Остр. предоставляются студентамъ и публикѣ и какіе закрываются, опубликовано не было ни въ газетахъ, ни посредствомъ особыхъ объявлений университета, то публикѣ и студентамъ до выхода на улицу оставалось совершенно неизвѣстнымъ: по какому именно направленію имъ будетъ разрѣшено отправляться въ городъ по сю сторону Невы, гдѣ живетъ большинство и студентовъ и бывшихъ на актѣ посѣтителей. Къ тому же самый приказъ, несмотря на кажущуюся его опредѣленность, вызвалъ цѣлый рядъ сомнѣній, различно толковавшихся даже ближайшими его исполнителями. Такъ:

1) Какъ сказано выше, главное начальство надъ сосредоточенными на Вас. Остр. полиційскими силами было возложено одновременно на 2 лицъ: капитана барона Нолькена и ротмистра Галле; взаимныя отношенія этихъ двухъ офицеровъ въ приказѣ опредѣлены не были, и по показаніямъ ихъ оба они были совершенно независимы другъ отъ друга и оба распорядились само-

стоятельно. Одинъ изъ членовъ совѣщанія, полковникъ Пирамидовъ, объяснилъ, что главное руководство дѣломъ было возложено на барона Нолькена, а ротмистръ Галле былъ данъ ему въ помощь, въ качествѣ начальника сомкнутого полицейскаго наряда; въ то же время ротмистръ Галле, тотчасъ по выходѣ съ совѣщанія, заявилъ своимъ сослуживцамъ, что онъ назначенъ начальникомъ всѣхъ полицейскихъ силъ на Вас. Остр. Эта неопредѣленность взаимныхъ отношеній подтверждается тѣмъ, что въ самомъ засѣданіи баронъ Нолькенъ, въ виду присвоенной ему второстепенной роли, предлагалъ замѣнить его участковымъ приставомъ, подчинивъ послѣдняго ротмистру Галле; каковое предложеніе было, однако, отклонено; бывший въ нарядѣ командиръ эскадрона жандармскаго дивизіона поступилъ въ распоряженіе барона Нолькена, но фактически имъ, безъ всякаго вѣдома послѣдняго, распоряжался ротмистръ Галле. Независимо отъ указанныхъ двухъ начальниковъ и, совмѣстно съ ними, распоряжался на Вас. Остр. и полковникъ Пирамидовъ, вовсе не упомянутый, въ приказѣ. Его распоряженія, по приказанію г.-м. Клейгельса, могли быть принимаемы лишь въ качествѣ совѣта, отнюдь для ротм. Галле не обязательнаго; а по объясненію полк. Пирамидова, его распоряженія были совѣтами, но совѣтами, которые всегда безпрекословно исполняются чинами полиціи, ротм. же Галле смотрѣлъ на эти совѣты, какъ на приказанія старшаго, обязательныя къ исполненію. 2) Въ концѣ перваго пункта приказа сказано, что конная стража, слѣдуя на встрѣчу студентамъ, по уходѣ послѣднихъ изъ Университета, оказываетъ содѣйствіе другимъ нарядамъ. Этотъ пунктъ приказа толкуется исполнителями различно: по отзыву г.-м. Клейгельса имъ указывалось, что вся конная стража должна помочь стоявшему на Петровской площади г.-м. Есипову и другимъ нарядамъ, по мѣрѣ надобности, по толкованію ротм. Галле этимъ желалось сказать, что если студенты отъ Николаевского моста или съ Петровской площади пойдутъ къ Невскому, то стража должна преградить имъ путь; наконецъ, по объясненію ближайшаго исполнителя приказа, шт.-ротм. конно-поли-

цейской стражи Владимірова, этимъ пунктомъ приказа предписывалось выйти на встрѣчу выходящимъ изъ Университета студентамъ и, не пропуская ихъ къ Дворцовому мосту, направлять къ Николаевскому.

3) Въ томъ же пунктѣ приказа значится, что по выходѣ студентовъ изъ Университета и при желаніи ихъ идти толпою на Дворцовый мостъ, имъ должно быть указано, что движеніе открыто на Николаевской и Тучковъ мосты, а путь чрезъ Дворцовый закрыть; между тѣмъ, въ томъ же самомъ пунктѣ приказано, что отдѣльныя группы студентовъ пропускаются въ 5—6 человекъ и черезъ Дворцовый мостъ, но одновременно.

4) Насколько неясно понимался исполнителями этотъ приказъ, усматривается изъ того, что шт.-ротм. Владиміровъ, по собственному его показанію, думаетъ, что путь имъ открытъ направо и налево, впередъ и назадъ. Передъ отправленіемъ наряда, 8 февраля особою телеграммою Градоначальника отъ того же числа приказано полицейскимъ чинамъ быть безъ револьверовъ, а эфесъ шашки привязать темлякомъ къ концу ноженъ; независимо отъ сего, конно-полицейской стражѣ завѣдующимъ имъ ротм. Галле приказано было взять съ собой нагайки.

Эти послѣднія (нагайки), положенныя по Высочайше утвержденному 28 іюля 1898 года описанію формы обмундированія и снаряженія чиновъ СПб. конно-полицейской стражи, обыкновенно берутся нижними чинами въ ночные разъѣзды, на конныя ученья и при выѣздѣ команды въ полномъ составѣ, имѣя ихъ за голенищемъ лѣваго сапога. Особыхъ инструкцій объ употребленіи нагаекъ и особыхъ наставленій нижнимъ чинамъ, какъ слѣдуетъ вести себя съ публикой, дано не было. Такъ удостоверено это обстоятельство спрошенными офицерами конно-полицейской стражи Шедеверомъ и Владиміровымъ. Опрошенные же нижніе чины Готовцевъ и Орѣховъ объяснили, что нагайки берутся только на ночные разъѣзды, но на этотъ разъ ихъ приказано было взять.

Хотя ротм. Галле въ показаніи своемъ объяснилъ, что приказанія употребить въ случаѣ надобности на-

гайки имъ отдано не было, тѣмъ не менѣе разслѣдованіе обнаружило, что на нагайки почему-то обращалось особое вниманіе, такъ:

1) 8-го февраля, когда жандармскій дивизионъ стоялъ во дворѣ Академіи Наукъ, вошедшій туда ротм. Галле, въ присутствіи офицеровъ, спрашивалъ командира этого эскадрона ротм. Андреева: есть ли у его людей нагайки? И на отрицательный отвѣтъ сказалъ: „а у насъ есть и мы пустимъ ихъ въ дѣло, когда понадобится“. По удивленію поручика Маркевича, это было сказано при нижнихъ чинахъ, „окончательно подлило масла въ огонь, такъ какъ люди и безъ того не особенно благоволили къ студентамъ — виновникамъ лишней и утомительной работы“.

2) Того же 8-го февраля находившійся со взводомъ жандармскаго дивизиона въ нарядѣ у Дворцоваго моста со стороны Адмиралтейства корнетъ Гавриловъ получилъ приказаніе отъ завѣдывавшаго въ этомъ мѣстѣ нарядомъ полк. Вендорфа отгнать во что бы то ни стало студентовъ, если они, перейдя Николаевскій мостъ, направятся толпою къ Зимнему дворцу; но при этомъ полк. Вендорфъ прибавилъ, что если кто изъ солдатъ ударитъ кого-либо нагайкой, то бѣды большой не будетъ, хотя вообще нужно стараться избѣгать этого. Корнетъ ничего не отвѣтилъ, такъ какъ жандармы нагаекъ не имѣютъ.

3) Еще 6-го февраля ротм. Галле, бесѣдуя съ чиновникомъ особыхъ порученій при градоначальствѣ, бар. Клебекъ, на замѣчаніе послѣдняго, что молодежь впечатлительна и что возможно столкновеніе, возразилъ: „Пусть эти мерзавцы посмѣютъ внести замѣшательство въ ряды стражи — я ихъ самихъ отстегаю нагайками“... Къ этому онъ присовокупилъ, что получилъ такія полномочія, что ничего не боится.

4) Въ одинъ изъ послѣдующихъ за 8 февраля дней бывший въ нарядѣ у Панаевского театра поручикъ жанд. дивизиона Стахурскій имѣлъ разговоръ съ шт.-ротмистромъ конно-полицейск. стражи Владимировымъ, который, показывая бывшую при немъ нагайку, говорилъ, что ею можно хорошо ударить и что „попадись ему

студентъ, такъ онъ ему покажетъ“. На замѣчаніе Стахурскаго, что студенты — не фабричные, Владимировъ возразилъ, что ему и его нижнимъ чинамъ ротм. приказалъ бить, не стѣсняясь. Спрошенный шт.-ротм. Владимировъ, объяснилъ, что разговоръ о нагайкахъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто, хотя приводимыхъ выше словъ имъ сказано не было; но обстоятельство это категорически утверждается поручикомъ Стахурскимъ.

День торжественнаго акта 8-го февраля 1899 г. открылся обычно литургіею въ 10 ч. 30 м.; самый же актъ былъ назначенъ въ 1 ч. дня.

Уже съ 11 ч. началось движеніе студентовъ по направленію къ Университету; шли они небольшими группами, останавливались и заглядывали во дворы Адмиралтейства и Академіи Наукъ, гдѣ были сосредоточены значительные полицейскіе наряды; вокругъ Университета расположены были околоточные и городовые, а по тротуарамъ близъ него ходили переодѣтые околоточные, чиновники и агенты Охраннаго отдѣленія. Посторонней публики на актѣ было немного; мѣста для почетныхъ гостей большею частью оставались свободными; въ числѣ такихъ гостей были: СПб. митрополитъ Антоній, мин. фин. Витте, помощникъ попечителя учебнаго округа Лаврентьевъ; зато бросалось въ глаза необычно большое количество студентовъ: они занимали мѣста въ проходѣ, стояли между колоннами, на хорахъ, на площадкѣ, наконецъ въ числѣ около 500 человекъ заняли средній проходъ между стульями; здѣсь было такъ тѣсно, что стоявшій въ этомъ проходѣ пом. инсп. Орнатскій былъ, по словамъ его, прижатъ къ находившемуся впереди его ряду стульевъ. Это была та группа студентовъ которая условилась 6 февраля выразить протестъ ректору безмолвнымъ и демонстративнымъ выходомъ изъ залы. Актъ начался обычными церковными пѣснопѣніями, за которыми слѣдовало чтеніе отчета проф. Смирновымъ и рѣчь проф. Ольденбурга. Все происходило въ полномъ порядкѣ, за исключеніемъ того, что на площадкѣ, гдѣ была густая толпа студентовъ, слышалось нѣсколько апплодисментовъ. Разслѣдованіемъ обнаружено, что въ это время тамъ было оглашено состояв-

шеся 6-го февраля рѣшеніе выразить протестъ удаленіемъ изъ зала, изъ Университета не выходить толпой, ресторановъ не посѣщать и избѣгать всякихъ столкновений съ полиціей; аплодисменты выражали сочувствіе этому рѣшенію. По окончаніи рѣчи проф. Ольденбурга на кафедру вступилъ Ректоръ, и тотчасъ же въ залѣ произошелъ беспорядокъ: занимавшая средній проходъ между стульями толпа студентовъ двинулась изъ зала столь стремительно, что нѣкоторые были буквально вытѣснены ею на площадку, а позади упомянутаго выше пом. инсп. Орнатскаго сразу образовалось свободное пространство аршина въ три.

Послышались крики: „Вонъ! Выходи!“ „Господа, уйдемъ“, и почти одновременно съ этимъ шиканье, свистки и аплодисменты. Послѣдніе были настолько оглушительны, что ректоръ не могъ сказать ни одного слова, а долженствовавшая происходить во время рѣчи раздача золотыхъ и серебряныхъ медалей производилась такимъ образомъ, что стоявшіе около ректора профессора Дювернуа и Смирновъ читали въ показываемомъ имъ списокѣ фамиліи стоявшихъ въ особо назначенномъ мѣстѣ студентовъ, коимъ присуждены медали, подходили къ нимъ и подводили подлежащаго студента къ митрополиту, который и вручалъ ему медаль. Шумъ и беспорядокъ продолжались, пока ректоръ не подалъ знака оркестру, заигравшему народный гимнъ, при первыхъ звукахъ котораго водворилась полная тишина; гимнъ былъ выслушанъ стоя, съ полнымъ уваженіемъ и, по требованію студентовъ, повторенъ.

Затѣмъ была пропѣта традиціонная студенческая пѣсня „Gaudeamus“, и почетные посѣтители, и въ числѣ ихъ помощникъ попечителя округа, а вслѣдъ за ними и посторонняя публика удалились.

Исторія самаго беспорядка на актѣ передается различно, опрошенными при разслѣдованіи лицами: по словамъ однихъ—шиканье, свистки и аплодисменты раздались одновременно; по словамъ другихъ— сначала были аплодисменты, а затѣмъ свистки; наконецъ, по увѣренію третьихъ—шиканье было вызвано шумомъ при выходѣ толпы изъ зала, какъ то бываетъ въ театрѣ;

аплодировать стали лица, принявшія шиканье за одобреніе ректору, а свистки были прямымъ послѣдствіемъ этихъ аплодисментовъ, въ которыхъ усматривалось неподчиненіе рѣшенію 8-го февраля. Во всякомъ случаѣ, среди студентовъ была группа, аплодировавшая ректору и выражавшая аплодисментами свое сочувствіе. Все это продолжалось отъ 15 до 20 минутъ.

Свистающихъ было немного, большинство свидѣтелей опредѣляетъ ихъ число 3—6 и только нѣкоторые говорятъ, что ихъ было отъ 7 до 10 человекъ, но свистки были рѣзкіе, многократные и продолжительные: слышны были свистки металлическіе, что указываетъ на преднамѣренность поступка.

Кто свистѣлъ и демонстрировалъ на актѣ,—охраннымъ отдѣленіемъ осталось не выясненнымъ; инспекціей были впослѣдствіи указаны, какъ свистѣвшіе на актѣ студенты: Рудневъ, Далькевичъ и Дрешеръ, но достовѣрность этихъ свѣдѣній подлежитъ значительному сомнѣнію, ибо 1) ничѣмъ не доказывается, а 2) относительно студента Дрешера совершенно опровергается показаніемъ состоявшаго въ запасѣ капитана Гринева, удостовѣряющаго, что 8-го февраля Дрешеръ ужъ въ 2 ч. 40 м. былъ на урокъ, въ квартирѣ свидѣтеля по Знаменской улицѣ. Настоящимъ разслѣдованіемъ обнаружено два дѣйствительно свистѣвшіе на актѣ студента—братья Евгенийъ и Владимиръ Поздрины и аплодировавшіе студенты—Пинчуковъ и Грузенбергъ, чистосердечно въ томъ сознавшіеся.

По окончаніи акта студенты нѣкоторое время оставались въ Университетѣ, занимались пѣніемъ „Дубинушки“, „Gaudeamus“ и др. студенческихъ пѣсенъ и затѣмъ стали расходиться, при чемъ снова было подтверждено рѣшеніе не производить на улицѣ никакихъ беспорядковъ и не выходить изъ Университета толпою; съ этою цѣлью въ дверяхъ Университета были поставлены особые счетчики изъ студентовъ, которые съ часами въ рукахъ выпускали на улицу чрезъ каждыя 1—2 минуты человекъ 6—8 товарищей; нѣкоторые пробовали запѣвать пѣсни на улицѣ, но тотчасъ были оставлены друзьями; въ шинельной одинъ изъ сту-

дентовъ обратился съ такой рѣчью: „хотя протестъ нашъ ректору и не удался, а студенты вели себя на актѣ не такъ, какъ слѣдовало,“ но во всякомъ случаѣ на улицѣ надлежитъ вести себя хорошо“. По удостовѣренію свидѣтеля-очевидца, поручика жандармскаго дивизіона Маркевича, студенты выходили чинно, по словамъ проф. Введенскаго—никогда еще студенты не выходили изъ Университета въ такомъ порядкѣ. Студенты выходили отдѣльными группами и не останавливались на улицѣ, безпрепятственно направляясь во всѣ стороны; только ближайшій къ Дворцовому мосту переходъ черезъ Неву былъ закрытъ, для чего ледъ у берега былъ вырубленъ и вынутыя глыбы его поставлены стоймя; сдѣлано это было еще наканунѣ, безъ вѣдома градоначальника и мѣстнаго полицеймейстера барона Нолькена, ротм. Галле по собственной инициативѣ и при содѣйствіи участковаго пристава Петровскаго. Это было предпринято, по ихъ словамъ, съ цѣлью лишить студентовъ возможности итти толпою по ту сторону Невы, а равно и въ виду опасенія, что тонкій ледъ можетъ не выдержать тяжести толпы.

Въ началѣ 4-го часа пополудни, когда толпа около 1000 чел. успѣла пройти по Дворцовому мосту, ротм. Галле послалъ подвѣдомственнаго ему офицера Шедера посмотреть, что дѣлается на набережной; тотъ доложилъ, что студенты идутъ непрерывною лентою и останавливаются у Дворцоваго моста, вслѣдствіе чего, по распоряженію ротм. Галле, было вызвано отдѣленіе конно-полицейской стражи, построенное развернутымъ фронтомъ; занявъ всю ширину Дворцоваго моста, оно прослѣдовало по немъ до Адмиралтейства, вслѣдъ за шедшими студентами.

По показаніямъ свидѣтеля-очевидца, служащаго при таможенномъ зданіи мѣщанина Никифора Васильева, студенты шли мирно, а за ними по пятамъ слѣдовала конно-полицейская стража, при чемъ отбившихся отъ кучи студентовъ полицейскіе загоняли въ толпу. Показаніе это подтверждается приставомъ подполк. Гиржебаемъ-Вельчиковымъ, встрѣтившимъ студентовъ по ту сторону Невы; ему они жаловались, что ихъ конвои-

руютъ, точно арестантовъ. Проѣзжавшая въ то время Дворцовымъ мостомъ вдова колл. сов. Августа Лавровская видѣла, какъ одинъ изъ городовыхъ толкнулъ студента въ грудь, тотъ отлетѣлъ назадъ и наткнулся на другого, который толкнулъ его въ спину. Очистивъ Дворцовый мостъ, отрядъ вернулся обратно. Между тѣмъ и. д. полицеймейстера бар. Нолькенъ, видя, что отдѣленіе производитъ заѣздъ, распорядился закрыть путь на Дворцовый мостъ, сначала цѣпью городовыхъ, а затѣмъ цѣпью конно-полицейскихъ стражниковъ и отрядомъ пѣшихъ городовыхъ подъ командою пристава подполк. Звержицкаго. Оставшіеся за этими цѣпями студенты и публика по-прежнему шли въ городъ по Дворцовому мосту. Между тѣмъ, вышедшіе небольшими группами изъ Университета студенты, не будучи извѣщены о закрытіи Дворцоваго моста, напротивъ, видя идущихъ по немъ товарищей, сами направились въ ту же сторону и были остановлены у первой цѣпи полицейскихъ. На просьбы пропустить черезъ цѣпь небольшими группами, или хотя бы по одному человѣку, было категорически отказываемо; на вопросъ—будетъ ли затѣмъ открытъ путь черезъ Дворцовый мостъ, студентамъ отвѣчали, что ждуть распоряженій. Имъ предлагалось итти черезъ Николаевскій мостъ, что значительно для многихъ увеличивало разстояніе, а на вопросъ, можно ли быть увѣреннымъ, что и Николаевскій мостъ не закрытъ,—одному изъ студентовъ было отвѣчено: „а вотъ дойдете, такъ узнаете“, а другой получилъ отвѣтъ—„не знаемъ“. Студенты уже компактно массою пошли было по направленію къ Николаевскому мосту, но вскорѣ бар. Нолькенъ, по совѣту полк. Пирамидова, рѣшилъ пропускать небольшими группами студентовъ и черезъ Дворцовый мостъ, что породило новыя недоразумѣнія и колебанія; нѣкоторые рѣшили ждать очереди пропуска, а между тѣмъ изъ Университета продолжали выходить все новыя и новыя группы студентовъ и на улицѣ, мало по малу, образовалась толпа. Вышеизложенное извлечено изъ показаній большого числа допрошенныхъ при разслѣдованіи студентовъ, а отчасти и чиновъ полиціи. Справедливость этого под-

тверждается показаніемъ поручика жандармскаго дивизиона Маркевича, удостовѣрившаго, что студенты выходили на улицу чинно, но голова толпы была задержана у Дворцоваго моста, а остальные, не зная этого, все шли и шли, благодаря чему образовалась толпа. То же подтвердили спрошенные при разслѣдованіи: служащій машинистомъ въ зданіи Таможеннаго вѣдомства, мѣщ. Никифоръ Васильевъ и проф. Форстенъ, по мнѣнію котораго скопленіе толпы было чисто искусственное и явилось результатомъ распоряженій полиціи. Студенты пошли толпой по направленію къ Николаевскому мосту и вскорѣ все видимое пространство улицы отъ цѣпи очистилось; шедшіе студенты, замѣтивъ двигавшійся по той сторонѣ Невы, по одному съ ними направленію, конный отрядъ, начали высказывать предположеніе, что отрядъ этотъ имѣетъ задачей запереть выходъ съ моста по той сторонѣ; нѣкоторые стали возвращаться назадъ, другіе остановились въ недоумѣніи: вскорѣ распространились оказавшіеся потомъ неосновательными слухи, что студенты, уже перешедшіе Неву по пѣшему, что близъ Николаевскаго моста, переходу, были возвращены назадъ. Отсутствіе со стороны полицейскихъ чиновъ указаній пути и крайне неопредѣленные отвѣты возбуждали недоразумѣнія и близъ Румянцевскаго сквера образовалась толпа. Слышались разговоры: „Куда же итти? и тутъ и тамъ не пускаютъ“... „Тутъ игра какая-то: на одномъ углу пропускаютъ, на другомъ—нѣтъ“ и. т. п. Прибывшій нѣсколько раньше этого градоначальникъ нисколько не помогъ разсѣянію недоразумѣній, ибо на обращенные къ нему вопросы толпы окружавшихъ его студентовъ, почему не пускаютъ черезъ Дворцовый мостъ, онъ отвѣтилъ, что всѣ неудовольствія по этому поводу онъ готовъ разобрать и предлагаетъ явиться для сего къ нему въ Управление.

Когда все видимое пространство набережной Вас. Ост. очистилось, ротмистръ Галле приказалъ вахмистру ввѣреннаго ему отдѣленія Скольмейстеру, съ городовымъ Мишинымъ, проѣхать къ Николаевскому мосту и посмотреть, что тамъ дѣлается. Близъ Румянцевскаго сквера вахмистръ видѣлъ частью шедшую по направ-

вленію къ Николаевскому мосту, частью остановившуюся у сквера толпу студентовъ и публики, занимавшую обѣ стороны улицы такъ, что проѣздная часть ея на пространствѣ отъ полутора до двухъ сажень оставалась свободною. Среди студентовъ слышались разговоры, что подъѣзжающая полиція слѣдуетъ къ Николаевскому мосту, чтобы распорядиться его закрыть; нѣкоторые стали махать передъ лошадьми руками и шапками; испуганныя лошади повернули назадъ; новая попытка вахмистра приблизиться къ толпѣ осталась безуспѣшной; въ сопровожденіи городского, вахмистръ вернулся назадъ, а вслѣдъ ему полетѣли брошенные студентами снѣжки.

Лица, бросавшія эти снѣжки, остались не обнаруженными. По объясненію студента Мерца, подъѣзжавшій вахмистръ что-то кричалъ, но что именно — разобрать было нельзя; по словамъ студента Полонскаго, онъ, обращаясь къ толпѣ, обѣщалъ угостить ее нагайками, при чемъ сопровождавшій его солдатъ хохоталъ. Вахмистръ Скольмейстеръ утверждаетъ, что путь ему серединою улицы былъ свободенъ, толпѣ онъ ничего не кричалъ и никакихъ требованій не предъявлялъ.

Еще до возвращенія вахм. Скольмейстера, ротм. Галле, ожидавшій, по его словамъ, отъ вахмистра самыхъ невинныхъ свѣдѣній, приказалъ шт.-ротм. Владимирову итти съ 8-мъ отдѣленіемъ конно-полицейской стражи черезъ Дворцовый мостъ на Петровскую площадь для присоединенія къ наряду ген.-м. Есипова, но когда отрядъ двинулся, Галле, по приказанію полк. Пирамидова (по его словамъ, это было приказаніе, не исполнить котораго онъ не имѣлъ права), повернулъ его правымъ плечомъ кругомъ и далъ команду идти къ ген. Есипову рысью, не черезъ Дворцовый мостъ, но черезъ Николаевскій. Владимировъ, съ отдѣленіемъ въ составѣ 38-ми нижнихъ чиновъ, двинулся впередъ по направленію только что прослѣдовавшаго вахм. Скольмейстера, встрѣтился съ послѣднимъ на пути, узнавъ отъ него о случившемся съ нимъ, приказалъ ему доложить объ этомъ ротм. Галле, а самъ пошелъ далѣе и у Румянцевскаго сквера встрѣтилъ ту же толпу сту-

дентовъ и публики. Увидавъ несущійся на нихъ рысью отрядъ, студенты, думая, что отрядъ этотъ приведенъ „прогнаннымъ ими“ вахмистромъ и тоже направляется закрыть путь черезъ Николаевскій мостъ, встрѣтили его снѣжками, брошенными лопатами и метлами, частью взятыми на улицѣ, частью отнятыми у метельщиковъ, конно-жел. дороги; кто-то бросилъ даже одинъ изъ барьерныхъ фонарей. Испуганныя лошади первой шеренги отряда повернули въ близъ лежащую улицу, но скоро справились и вернулись обратно; весь отрядъ устремился на толпу и произошло столкновение, въ результатъ котораго, какъ удостовѣряетъ полиція, было два раненыхъ городскихъ кусками льда (снѣга)—Семень Орѣховъ и Александръ Готовцевъ.

По произведенному въ тотъ же день медицинскому осмотру раненыхъ оказалось, что у перваго изъ нихъ на переносицѣ имѣется ушибленная разсѣченная рана длиною въ половину сантиметра, а у втораго подъ правымъ глазомъ синебагроваго цвѣта припухлость, величиною въ полдюйма. Оба поврежденія для жизни не опасны и должны пройти безъ слѣда.

Обстановка столкновения передается различно свидѣтелями. Шт.-ротм. Владимировъ удостовѣряетъ, что, при приближеніи отряда, толпа стала кричать, бросать кусками льда, лопатами, метлами, фонарями (одинъ изъ фонарей попалъ подъ правый глазъ городского Александра Готовцева), лошади испугались и отрядъ смѣшался. Владимировъ, scomандовавъ: „Туже поводъ, маршъ—маршъ“ (по объясненію штабсъ-ротм. Владимирова „туже поводъ“ значитъ: лошадей имѣть на возможно тугомъ поводу и шпорахъ, ударятъ нагайкой. Этому приему люди постоянно обучались во время ученья), проскочилъ черезъ толпу, а отрядъ остался за толпой, которая окружила его, хватала лошадей за поводья, стаскивала людей за ноги; только послѣ троекратно повторенной команды Владимирова: „за мной рысью“ люди успѣли пробиться черезъ толпу, отрядъ на ходу выстроился и въ полномъ порядкѣ прошелъ, какъ ему было приказано, черезъ Николаевскій мостъ на Петровскую площадь, гдѣ и присоединился къ отряду ген.-майора Есипова.

Утверждая въ первомъ своемъ показаніи, что нагайками люди его никого не били, а лишь понуждали лошадей и развѣ только случайно могли хлестнуть кого либо изъ особенно назойливыхъ студентовъ, Владимировъ при новомъ разпросѣ пояснилъ, что слышалъ щелканье нагаекъ и не отрицаетъ, что стражники били студентовъ.

Показаніе Владимирова въ отдѣльныхъ частяхъ подтверждаютъ и городовые его отряда: Орѣховъ, Готовцевъ, Веденковъ и Филипповъ, при чемъ два послѣднихъ объясняютъ, что ударили нагайками двухъ студентовъ, въ свою очередь ударившихъ ихъ: одинъ лопатой, другой шпагой.

По заявленію свидѣтелей, не принадлежащихъ къ составу полиціи, обстоятельства столкновения у Румянцевскаго сквера произошли совершенно иначе.

Прежде всего ротм. жанд. дивиз. Андреевъ утверждаетъ, что у Румянцевскаго сквера было такъ мало народа, что если бы оставить его въ покоѣ, ничего произойти не могло бы. По словамъ другихъ свидѣтелей, толпа, стоявшая у сквера и растянувшаяся вдоль улицы, не превышала 300—400 чел.; толпа стояла и двигалась по улицѣ спокойно, но когда на нее налетѣлъ конный отрядъ, стала бросать снѣжками и лопатами. Снѣжковъ было брошено около 15, лопаты и метлы были человѣкъ у 5-ти. Многіе студенты убѣждали товарищей не бросать снѣжковъ; такъ студентъ Клеванскій съ яростью набросился на кинувшаго снѣжокъ, а студентъ Абрамовъ кричалъ: „пусть знаетъ тотъ, кто бросалъ снѣжокъ, что онъ шпіонъ“. Когда часть отряда отступила въ ближайшую Кадетскую линію и затѣмъ вернулась, то весь отрядъ стремительно бросился на толпу съ нагайками въ рукахъ, толпа разбѣжалась въ разные стороны, но конные стражники преслѣдовали отдѣльныхъ бѣгущихъ лицъ, нанося имъ удары нагайкой; весь отрядъ разсѣялся, часть стражниковъ устремилась за бѣгущими въ 1-ю и Кадетскую линію, часть къ спуску на Неву, часть къ рѣшеткѣ Румянцевскаго сквера; одинъ изъ городскихъ, поймавъ студента за воротникъ пальто, наносилъ ему удары нагайкой. По показанію студента Довяхов-

скаго, городской ударилъ какую-то барышню такъ сильно, что она упала; былъ сбить съ ногъ какой-то старикъ, шедшій близъ самага тротуара; какой-то школьникъ получилъ ударъ нагайкой, весь перегнулся и съ плачемъ побѣжалъ по Кадетской линіи; часовой подмастерье Вели, случайно оказавшійся на мѣстѣ происшествія, получилъ два удара нагайкой въ то время, когда перелѣзалъ рѣшетку сквера. Приведенные рассказы извлечены изъ показаній многочисленныхъ допрошенныхъ свидѣтелей-очевидцевъ происшествія, при чемъ обнаружено нѣсколько лицъ, бросавшихъ въ полицейскій отрядъ снажками, въ томъ сознавшихся. То были студенты университета: Назарьевъ, Евгений и Владимиръ Ноздрины, Иорданскій и Давыдовъ. Изъ отдѣльныхъ показаній очевидцевъ останавливаютъ на себѣ вниманіе слѣдующія:

1) Показаніе желѣзнодорожнаго мастера Клементьева, содержателя кузнечнаго заведенія Чеперскаго и кр. Семена Картикова, удостовѣряющихъ, что городовые стегали нагайками бѣжавшихъ отъ нихъ студентовъ.

2) Показаніе вдовы т. сов. Вредена, которую городской толкнулъ въ грудь такъ сильно, что она чуть устояла на ногахъ.

3) Показаніе учителя гимназіи Роговскаго, лично видѣвшаго, какъ городовые, размахивая нагайками, тѣснили толпу къ баллюстрадѣ спуска на Неву и какъ одинъ изъ нихъ ударилъ студента въ спину.

4) Показаніе помощн. прис. пов. Федосьева, видѣвшаго какую-то барышню лежавшей подъ ногами лошадей.

5) Показаніе мѣщ. Василія Кузина, удостовѣряющаго, что студентовъ били нагайками кого и куда попало.

6) Показаніе жены пр. доц. Каракашъ, удостовѣряющей, что солдаты съ нагайками въ рукахъ вскакивали на тротуары и одинъ изъ нихъ замахнулся на нее.

7) Показаніе чиновника Министерства Финансовъ Кирилова, получившаго ударъ по спинѣ.

8) Показаніе проф. Введенскаго, видѣвшаго, какъ подскакавшій городской ударилъ нагайкой какую-то бѣжавшую отъ него даму въ желтомъ пальто такъ, что она

упала, а онъ, нагнувшись, нанесъ ей еще ударъ и поскакалъ далѣе.

9) Показаніе проф. Гоби, видѣвшаго, какъ подскакавшій городской ударилъ нагайкой нѣсколько разъ какого-то господина, только что сошедшаго съ задней площадки конно-желѣзнаго вагона.

10) Показаніе директора Ларинской гимназіи Смирнова, замѣтившаго сбитыхъ съ ногъ даму и господина, и видѣвшаго городского, наносившаго удары двумъ студентамъ; на замѣчаніе, что ихъ бить не за что, Смирновъ получилъ отвѣтъ: „молчи, а то и тебѣ достанется.“

11) Показаніе студента Зигеля, къ которому подбѣжалъ кадетъ, жаловавшійся, что его два раза ударили плетью.

12) Показаніе прив. доц. Жижиленко, видѣвшаго, какъ стегали нагайками какую-то барышню, упавшую на колѣни.

13) Показаніе студента Саса, видѣвшаго, какъ городской ударилъ дѣвушку, прижавшуюся къ рѣшеткѣ сквера.

14) Показаніе свидѣтелей Федосьева, Жижиленко, Каралли и др., видѣвшихъ старика метельщика конно-желѣзной дороги, избитаго и окровавленнаго, которому студенты собирали сколько-то денегъ.

15) Показаніе свидѣтеля Жирундоля, видѣвшаго женщину съ ребенкомъ на рукахъ, у которой была разбита одна рука.

16) Показаніе свидѣтеля Тушманова, видѣвшаго бѣжавшихъ по 1-ой линіи двухъ дамъ, за которыми гнался городской: женщины эти спасались въ саду (въ скверѣ.)

По словамъ одного изъ свидѣтелей, впечатлѣніе чего то ужаснаго было настолько сильно, что нельзя было составить яснаго представленія о томъ, что происходило, „Помню,“ говоритъ онъ, „что мимо меня пробѣжало нѣсколько студентовъ, помню, что видѣлъ скачущихъ лошадей — затѣмъ сильный ударъ, отъ котораго у меня свалилась фуражка; помню потомъ, что я сталъ толкаться то о ту, то о другую лошадь, а въ это время удары сыпались на мою голову. Въ ужасѣ я, вмѣстѣ съ товарищами, прижался къ рѣшеткѣ, но и тутъ подскочило

нѣсколько конныхъ городскихъ и стали насъ бить. Пришелъ въ себя я въ вагонѣ электрическаго трамвая, куда меня перенесли товарищи, и помню, что мнѣ утирали на лицѣ кровь. Придя домой, я легъ въ постель и два дня страдалъ головной болью.

Вся эта сцена длилась, по словамъ свидѣтелей, не болѣе 5-ти минутъ; когда отрядъ исчезъ такъ же быстро, какъ появился, на улицѣ осталось много студенческихъ фуражекъ, галошъ; растерянные женщины и дѣти плакали, взывая о помощи; на снѣгу въ скверѣ лежалъ кѣмъ-то перенесенный туда студентъ, тяжело дышавшій и бывший повидимому, безъ сознанія.

Были ли вынуты нагайки по командѣ — установить оказалось невозможнымъ, хотя большинство свидѣтелей удостовѣряютъ, что нагайки появились въ рукахъ конно-полицейской стражи одновременно, а нѣкоторые даже слышали команду: „въ нагайки“. При разслѣдованіи опрошены слѣдующія лица, потерпѣвшія при означенномъ столкновении: студенты Березскій, Платоновъ и Ножинскій, получившіе удары по спинѣ, когда перелѣзали рѣшетки: первые два у набережной Невы, а послѣдній у Румянцевскаго сквера; студентъ Шубинскій, получившій ударъ по шеѣ, когда сталъ у рѣшетки сквера; студенты Занъ, Гороумовъ, Брюно, Бржозовскій, Носаръ и Сувальскій, получившіе удары по спинѣ близъ того же сквера; студентъ Воиновъ, получившій ударъ по рукѣ, которою онъ прикрылъ свое лицо: студентъ Шенгеръ, котораго ударили по головѣ нагайкою, въ то время, когда онъ стоялъ, прислонясь къ рѣшеткѣ сквера; студентъ Кучинскій—ударъ нагайкою по спинѣ, когда онъ былъ уже у спуска набережной; студентъ Довяновскій — ударъ нагайкою по груди; студентъ этотъ упалъ и лошадь наступила ему на грудь; студентъ Лури—ударъ по спинѣ, когда сидѣлъ на рѣшеткѣ набережной, намѣриваясь спуститься на ледъ Невы; студентъ Никифоровъ—два удара, когда бѣжалъ къ вагону конно-желѣзной дороги; студентъ Измайловъ, получившій ударъ нагайкою по плечу въ то время, какъ подбѣжалъ къ дамѣ, на которую замахивался городской; студентъ Москальскій, получившій ударъ по шеѣ, когда

перелѣзалъ рѣшетку сквера; студентъ Этенъ былъ сбить съ ногъ лошадью и на колѣняхъ подползъ до панели; студентъ Кудровъ, получившій ударъ нагайкою по спинѣ и лѣвому плечу на серединѣ спуска къ Невѣ; ученикъ Акад. Наукъ Шука, получившій ударъ нагайкою по ногѣ; студентъ Марковичъ и мѣщ. Велисонъ—ударъ по головѣ во время перелѣзанія рѣшетки сквера; чиновникъ Кириловъ—ударъ по спинѣ, когда убѣжалъ отъ толпы; вольнослушатели университета Мынзовъ (болгарскій подданный) и Нарышкинъ, бывшіе оба въ статскомъ платьѣ; перваго ударили по спинѣ, а втораго по рукѣ до крови; прис. повѣр. Вимбергъ—сшибленъ съ ногъ лошадью; студентъ Газенцеръ — былъ сильно побитъ и хворалъ, что удостовѣрено его сестрою Наталією Скрибиной и тайн. сов. Бѣлаго; студентъ Гарднеръ, нахожденіе на лбу котораго двухъ продольныхъ ранъ отъ удара нагайкою удостовѣрено показаніями его пользовавшихся врачей: Попова и Газе.

Весьма возможно, что осталось нѣкоторое число потерпѣвшихъ, имена которыхъ неизвѣстны; причина сего кроется въ нежеланіи студентовъ, а можетъ быть частныхъ лицъ, оглашать подробности ихъ избіенія. Такъ проф. Коноваловъ удостовѣряетъ, что студентъ Платоновъ, на вопросъ его, почему онъ своевременно не сказалъ, что былъ побитъ нагайкою, отвѣтилъ, что ему, какъ и другимъ, было стыдно говорить объ этомъ.

Этимъ объясняется и то обстоятельство, что отъ студентовъ не поступило никакихъ жалобъ въ установленномъ порядкѣ, на что и указываетъ Градоначальникъ въ своемъ показаніи, присовокупляя, что, по докладу подвѣдомственныхъ ему чиновъ полиціи, случаевъ избіенія полиціей студентовъ не было, а имѣло мѣсто сопротивление толпы чинамъ полиціи, въ виду чего, а равно по отсутствію жалобъ на причиненіе увѣчій или иныхъ поврежденій и вообще указаній на неправильныя дѣйствія полиціи, ген.-маіоръ Клейгельсъ не считалъ нужнымъ распорядиться производствомъ дознанія. Только когда по городу стали ходить разные слухи, онъ потребовалъ письменныхъ донесеній: 13-го февраля отъ

штабс-ротм. Владимирова 20-го февраля и отъ участковыхъ полицеймейстеровъ СПб.

Полученію свѣдѣній объ истинномъ характерѣ происшествія въ значительной мѣрѣ способствовало вмѣшательство академиковъ Фаминцына и Бекетова, собравшихъ частнымъ образомъ цѣлый рядъ письменныхъ заявленій пострадавшихъ студентовъ и 19-го февраля представившихъ особую всеподданнѣйшую записку, на которой Государю Императору благоугодно было начертать: „Желательна возможно тщательная провѣрка виновности отдѣльныхъ личностей“.

Еще было сказано, что имѣвшему столкновенію со студентами отряду шт.-ротм. Владимирова поставлено было задачей лишь итти черезъ Николаевскій мостъ на присоединеніе къ ген.-м. Есипову. По отправленіи этого отряда и по возвращеніи вахм. Скольмейстера, дожившаго, что онъ не былъ допущенъ толпою къ Николаевскому мосту, ротм. Галле, ничего не зная о случившемся съ отрядомъ Владимирова, получилъ отъ полк. Пирамидова свѣдѣнія, что у Румянцевскаго сквера стоитъ возбужденная толпа. По совѣту полк. Пирамидова и въ его сопровожденіи, ротм. Галле, взявъ съ собою 25 нижнихъ чиновъ конно-полицейской стражи и нѣсколько жандармовъ, отправился къ Румянцевскому скверу, гдѣ, по его словамъ, никакихъ слѣдовъ бывшаго здѣсь безпорядка не замѣтилъ. У сквера стояла сильно возбужденная толпа, которую онъ и полк. Пирамидовъ убѣждали разойтись, а затѣмъ оттѣснили ее цѣпью изъ 9-ти нижнихъ чиновъ конно-полицейской стражи, послѣ чего она сравнительно мирно разошлась.

По показанію свидѣтелей И. Цвеницкаго и Минькевича, толпа у Румянцевскаго сквера состояла изъ 12—20 чел.; подѣхавшій вмѣстѣ съ ротм. Галле полк. Пирамидовъ обратился со словами: „Если вы черезъ четверть часа не разойдетесь, то я прикажу разогнать васъ плетью“. Спрошенные Галле и Пирамидовъ удостовѣряютъ, что дѣйствительно послѣднимъ изъ нихъ былъ назначенъ толпѣ 15-ти минутный срокъ, но о плетяхъ ни слова сказано не было.

Вообще спрошенные свидѣтели—студенты, отзвываясь

съ полнымъ уваженіемъ объ обращеніи съ ними ген.-м. Клейгельса и Есипова, жалуются на грубое отношеніе полковниковъ Пирамидова и бар. Нолькена, ротмистра Галле и подвѣдомственныхъ имъ чиновъ полиціи. Такъ свидѣтель Салтыковъ удостовѣряетъ, что тотчасъ по закрытіи Дворцоваго моста студенты спрашивали бар. Нолькена, что случилось и почему на этотъ мостъ не пропускаютъ болѣе,—на это получили въ отвѣтъ: „Не ваше дѣло... Извольте убираться“... По словамъ студента Горнаго Института Балашутина, когда полиція стала оттѣснять толпу отъ Дворцоваго моста и прижала часть ея къ зданію Академіи Наукъ, изъ толпы послышались голоса: „Куда вы лѣзете?“—въ отвѣтъ одинъ изъ полицейскихъ сказалъ: „Э, за такую сволочь не повѣсятъ“. Бывшіе въ нарядѣ съ той стороны Невы полицеймейстеры ген.-м. Есиповъ и полк. Вендорфъ удостовѣряютъ, что во ввѣренныхъ имъ раіонахъ студенты вели себя совершенно прилично и безпрекословно исполняли всѣ обращенныя къ нимъ требованія, при чемъ первому изъ нихъ жаловались на избіеніе ихъ нагайками; одному изъ свидѣтелей ген.-м. Есиповъ выражалъ удивленіе, что бунтовщики Васильевскаго острова, перейдя Неву, становятся милыми молодыми людьми.

При этомъ ген.-маіоръ Есиповъ между прочимъ объяснилъ, что по смыслу приказа 7-го февраля отрядъ конно-полицейской стражи долженъ былъ направиться къ нему только въ случаѣ крайней въ томъ необходимости и притомъ черезъ Дворцовый мостъ; между тѣмъ, онъ явился черезъ Николаевскій мостъ и совершенно безъ всякой надобности, такъ какъ въ виду полного спокойствія онъ, ген.-маіоръ Есиповъ, отпустилъ даже бывшій при немъ нарядъ.

Вечеръ 8-го февраля часть студентовъ провели въ обычно устроенныхъ чаепитіяхъ.

Въ текущемъ году градоначальникомъ были разрѣшены три такія вечеринки. Первая—на Петербургской сторонѣ, въ залѣ бывшаго общественнаго собранія. Вечеринка эта устроена группою марксистовъ и была разрѣшена на 500 человекъ, въ дѣйствительности ихъ было до 800. Здѣсь говорили рѣчи: прив.-доц. Туганъ-Бара-

новскій и Свѣшниковъ, литераторы: князь Оболенскій, Струве и Поссе, какая-то барышня и редакторъ журнала „Научное Обозрѣніе“, Филипповъ; ораторы эти говорили о марксизмѣ и о Чернышевскомъ, какъ его родоначальникѣ; по удостовѣренію свидѣтелей, рѣчи эти были чисто научнаго содержанія и никакихъ политическихъ намековъ въ себѣ не заключали.

Вторая вечеринка происходила у Чернышева моста, въ залѣ Петровскаго коммерческаго училища; разрѣшена она была на 200 человекъ, но въ дѣйствительности посѣтителей было значительно больше. Устраивала ее группа народниковъ и однимъ изъ распорядителей ея былъ студентъ Елпатьевскій; ему помогали студентъ Юрданскій, открывшій вечеринку рѣчью, которую за шумомъ было плохо слышно. Ораторы были: прис. пов. Арсеньевъ, прив. доц. Свѣшниковъ и Яроцкій и преподаватель Александровскаго лица, Мякотинъ. По агентурнымъ свѣдѣніямъ Департамента полиціи, этотъ послѣдній говорилъ объ отсутствіи у насъ чувства законности, указывалъ на поступокъ умнаго человека, нарушающій всѣ правила порядочности (наекъ на ректора и его объявленіе), выражалъ сожалѣніе объ уничтоженіи свободы въ маленькомъ свободномъ уголкѣ (наекъ на Финляндію) и говорилъ объ упадкѣ въ студенчествѣ нравственныхъ чувствъ, что выразилось въ исторіи подписокъ на памятникъ Мицкевичу и Муравьеву-вѣшателю. Разслѣдованіе не обнаружило данныхъ въ подтвержденіе справедливости этихъ свѣдѣній, ибо опрошенные свидѣтели утверждаютъ, что въ рѣчахъ ораторовъ ничего подобнаго не было, а доставленный Яроцкимъ и Свѣшниковымъ возстановленный по памяти текстъ произнесенныхъ ими рѣчей ничего предосудительнаго не содержитъ, равнымъ образомъ и спрошенный Мякотинъ отрицаетъ справедливость приведенныхъ выше показаній.

Тѣми же агентурными свѣдѣніями указывалось, что объ эти вечеринки были устроены съ входною платою въ 1 руб. и что часть этого сбора передана въ кассу „Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса“ и употреблена съ какою-то другою нелегальною цѣлью.

Провѣрить разслѣдованіе этихъ указаній оказалось невозможнымъ, такъ какъ хотя по закону размѣръ входной платы на общенародныхъ увеселеніяхъ и собраніяхъ опредѣляется полиціей (т. 14 уст. о пред. и пресѣч. прест. ст. 135 и 170), которая по существующимъ правиламъ имѣетъ надзоръ и за употребленіемъ вырученныхъ денегъ кассою, въ настоящемъ случаѣ градоначальникъ не призналъ нужнымъ совершенно назначить должностное лицо для этого наблюденія, и куда употреблены вырученные на этихъ вечеринкахъ деньги—ему извѣстно не было.

Третья вечеринка разрѣшена въ столовой Римско-Католическаго благотворительнаго общества. Свѣдѣній объ этой вечеринкѣ въ Департаментъ полиціи не поступало и никто изъ опрошенныхъ при разслѣдованіи лицъ на ней не былъ.

Наконецъ, вечеръ 8-го февраля въ циркѣ Чинизелли и въ увеселительныхъ заведеніяхъ „Акваріумъ“ и „Альказаръ“ прошелъ совершенно благополучно, студенты вели себя прилично и только одного изъ нихъ, бывшаго въ нетрезвомъ видѣ, кричавшаго и нарушавшаго порядокъ въ циркѣ Чинизелли, пришлось арестовать.

Еще 8-го февраля, тотчасъ послѣ столкновенья съ полиціей студенты стали толковать о необходимости собраться на слѣдующій день въ Университетъ и поговорить по поводу случившагося. Во вторникъ 9-го февраля они явились въ Университетъ около 10 часовъ утра; на лекціяхъ слушателей было мало, на что не было обращено вниманія, такъ какъ обыкновенно на другой день послѣ акта это составляетъ обычное явленіе. Студенты толпились на площадкѣ передъ актовымъ заломъ и около 12 ч. дня нѣкоторые изъ нихъ, въ числѣ ихъ студенты Ладыженскій и Мазаракій обратились сначала къ инспектору, а потомъ и къ ректору съ просьбою открыть актовъ залъ. Т. сов. Сергѣевичъ желаніе ихъ исполнилъ, сказавъ, что явится самъ поговорить съ ними; произнесенная имъ рѣчь произвела на студентовъ тяжелое впечатлѣніе, они ждали совѣта и указаній по поводу волнующаго ихъ столкновенья съ полиціей, а ректоръ, относясь вообще къ этому, въ ихъ глазахъ

чрезвычайно серьезному дѣлу, съ ироніей, говорилъ главнымъ образомъ объ освистаніи его на актѣ и приглашалъ участвовавшихъ въ томъ явиться съ повинною.

Рѣчь т. сов. Сергѣевича еще болѣе увеличивала и безъ того уже существовавшую съ нѣкоторыхъ поръ нелюбовь къ нему студентовъ; ранѣе они относились къ нему съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ и появленіе его на кафедрѣ встрѣчалось бурными аплодисментами, что, по обычаю университетскому, безпорядкомъ не считается. Любовь и расположеніе студентовъ ректоръ утратилъ въ 1895 году, еще въ бытность деканомъ, когда по поводу столкновенія съ полиціей близъ ресторана Палкина студенты просили его совѣта и указаній, взамѣнъ чего получили шутки и язвительныя насмѣшки надъ обиженными.

Еще болѣе увеличилось къ нему нерасположеніе студентовъ съ начала текущаго учебнаго года, когда онъ на обычномъ пріемѣ вновь поступившихъ сказалъ имъ рѣчь, въ которой совѣтовалъ избѣгать знакомства со студентами старшихъ курсовъ и объявилъ, что Университетъ есть заведеніе, имѣющее задачей лишь готовить аккуратныхъ чиновниковъ.

По уходѣ ректора, встрѣченнаго и выслушаннаго въ полномъ молчаніи, началась сходка для обсужденія вопроса о томъ, въ какой формѣ можетъ быть выраженъ студентами протестъ или жалоба на избіеніе ихъ чинами полиціи. Были предложены: подача общей петиціи, жалоба въ судебномъ порядкѣ и жалоба градоначальнику на дѣйствія его подчиненныхъ; но всѣ эти предложенія были отклонены: первое въ виду того, что общая петиція, какъ воспрещенная закономъ (на основаніи 112 ст. т. 14 уст. о пред. и прес. прест. запрещается учинять прошеніе или доносъ скопомъ или заговоромъ), принята не будетъ; второе—въ виду крайней сомнительности его успѣха, а третье—показалось студентамъ унижительнымъ и бесполезнымъ въ виду того, что, по мнѣнію ихъ, избіеніе нагайками послѣдовало по приказанію градоначальника. Ни къ какому опредѣленному рѣшенію сходка не пришла, вопросъ былъ отложенъ до слѣдующаго дня, и около 3-хъ часовъ студенты

разошлись изъ Университета небольшими группами и въ полномъ порядкѣ.

10-го февраля, въ среду, студенты собрались въ Университетъ въ большемъ, чѣмъ наканунѣ, количествѣ: раннія лекціи проф. Дювернуа и Коновалова (10—12) прошли при обычномъ числѣ слушателей, но на слѣдующей лекціи пр.-доц. Свѣшникова слушателей уже не было: Въ первомъ часу дня на площадкѣ передъ актовымъ заломъ собралось до 1300 человекъ, и къ ректору отправилась депутація съ просьбой открыть актывый залъ, а когда въ этомъ было отказано, студенты вошли въ залъ черезъ окно въ корридорѣ. Обсуждая формы протеста, сходка остановилась на необходимости закрыть университетъ и тѣмъ обратить вниманіе правительства на положеніе студентовъ; мѣрами предлагались,—легальныя: просьбы о томъ со стороны отдѣльныхъ студентовъ или подача общей петиціи, и не легальныя: коллективная подача просьбъ объ увольненіи, или такъ называемая обструкція, т. е. непосѣщеніе лекцій по предварительному о томъ соглашенію и препятствованіе всѣми мѣрами чтенію лекцій. Послѣ продолжительныхъ разговоровъ сходка остановилась на этой послѣдней мѣрѣ, при чемъ была отправлена депутація къ ректору съ просьбой придти на сходку и выслушать ея рѣшеніе. Посланнымъ депутатамъ, въ числѣ которыхъ, по собственному сознанію, былъ студентъ Мазаракій, ректоръ объявилъ, что усталъ и на сходку придти не можетъ, а проситъ собраться завтра къ 12 часамъ.

11-го февраля, въ четвергъ, студенты снова собрались въ Университетѣ въ большемъ количествѣ и сравнительно рано; въ этотъ день впервые, согласно рѣшенію сходки вчерашняго дня, началась примѣняться обструкція. Актывый залъ запертъ не былъ, и въ него къ 12 час. собралась масса студентовъ, и началась сходка, окончательно постановившая примѣненіе обструкціи. Около 1 часа въ залъ явился ректоръ и обратился къ студентамъ съ рѣчью. Рѣчь эта была выслушана при полномъ молчаніи и произвела на слушателей еще болѣе неблагоприятное впечатлѣніе, чѣмъ первая. Послѣ нея къ обструкціи примкнули тѣ, которые до сихъ поръ

колебались, и которые, по собственному ихъ признанію, въ теченіе четырехлѣтняго пребыванія въ университетѣ не запятнали себя участіемъ въ какой-либо исторіи или организаціи. Въ этой рѣчи ректоръ, снова упрекая студентовъ въ освистаніи его на актѣ и высказывая нареду въ томъ, что виновные сами къ нему явятся, съ ироніей говорилъ о томъ, что въ университетѣ функционируетъ временное правительство, что въ закрытомъ заведеніи, въ домѣ номеръ 7 по Невѣ, происходитъ революція, говорилъ, что его легко смѣстить силою, но просилъ помнить, что за нимъ стоитъ попечитель, за попечителемъ—министръ, а дальше?.. Указывалъ, что желанія студентовъ—райскія птицы, которыя не перенесутъ нашего суроваго климата, что полиція надѣлала глупостей, что вообще ей свойственно хватать черезъ край, что преслѣдовать ее трудно, и онъ не удивится, если избившій студентовъ поручикъ будетъ повышенъ въ чинъ; наконецъ, заявилъ, что онъ объяснялся съ избѣстными молодежи сенаторомъ Кони, который будто бы сказалъ, что требованіе студентовъ закрыть университетъ—не логично, а гораздо логичнѣе студенты поступили бы, требуя закрытія полиціи. Вскорѣ послѣ ухода ректора сходка разошлась и въ послѣдующіе дни не собиралась.

На сходкахъ 9, 10 и 11 февраля было избрано особое бюро въ составѣ трехъ лицъ, въ томъ числѣ председателя. Бюро это руководило сходкой, записывало желающихъ говорить, и председатель резюмировалъ пренія, слѣдилъ за порядкомъ и ставилъ вопросы. На всѣхъ этихъ сходкахъ председательствовала студентъ Сергѣй Волькенштейнъ; составъ бюро и даже самое его существованіе ни агентурными свѣдѣніями, ни инспекціей университета обнаружены не были, но при разслѣдованіи члены этого бюро сами назвали себя. То были студенты Сумчинъ и Казаровъ; обнаружены и лица, бывшія въ составѣ депутаціи къ ректору (ст. Мазаракій) и нѣкоторые ораторы на сходкахъ: Юрданскій и Носарь— всѣ это сами признавшіе. Самая обструкція примѣнялась мирно и безъ насилія; примѣнялась она различно: къ нѣкоторымъ профессорамъ студенты являлись на

домъ и предупреждали, что на лекціяхъ ихъ слушателей не будетъ, прося этимъ не обижаться, а имѣть въ виду, что это единственно возможная форма протеста (съ такой просьбой обращались къ Гоби и Фанъ-дерь-Флиту). Другихъ профессоровъ просили не читать, являясь для этого во время лекцій, а если профессоръ не соглашался, то слушатели его молча выходили изъ аудиторій, вмѣстѣ съ кучкой вошедшихъ въ нее студентовъ (проф. Сергѣевскій, Никитинъ, Коноваловъ); былъ случай, что одного слушателя вывели изъ аудиторіи подъ руки (проф. Коноваловъ); обычная форма примѣненія обструкціи была та, что вошедшій въ аудиторію профессоръ заставлялъ ее пустою, а всѣ наличные студенты толпились въ корридорѣ. Такъ было поступлено съ проф. Горчаковымъ, Ведровымъ, Марковымъ, Дювернуа, Георгіевскимъ и др. Нѣкоторые изъ профессоровъ пробовали сидѣть установленные часы въ аудиторіи, она все время оставалась пустою (Горчаковъ, Сергѣевскій, Марковъ), а другіе покушались убѣдить стоявшихъ въ корридорѣ студентовъ (Горчаковъ), но успѣха не имѣли.

По отзыву спрошенныхъ профессоровъ студенчество было страшно возбуждено. По удостовѣренію проф. Коновалова, молодые люди „были нервны; обезумѣвшие глаза, пожелтѣвшій цвѣтъ лица; они нервно встряхивали головой, нервно двигали руками, быстро жевали губами“.

По словамъ того же профессора, говорившій съ нимъ студентъ С. Волькенштейнъ, на убѣжденіе—обратиться къ обычнымъ занятіямъ, отвѣтилъ, что 8 февраля онъ уговаривалъ товарищей прекратить бросаніе снажками въ скачущій на нихъ отрядъ и былъ за это избитъ нагайками; рассказывая, какъ били товарищей, Волькенштейнъ въ концѣ рѣчи своей разрыдался, а съ нѣкоторыми студентами сдѣлалась истерика. Агентурныя свѣдѣнія и инспекція не обнаружили лицъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ обструкціи, а профессора не пожелали или не могли ихъ назвать. При разслѣдованіи лица эти сами назвали себя,—то были студенты: Клеванскій, говорившій, по его словамъ, съ нѣкоторыми

профессорами; Ильинъ, убѣждавшій студентовъ не ходитъ на лекціи; Евгенийъ Поздринъ, говорившій съ профессоромъ Соболевскимъ и пр.-доц. Свѣшниковымъ; Елпатьевскій, объяснявшійся съ проф. Горчаковымъ, Ведровымъ и Дювернуа; Тотешъ, просившій профессора Фанъ-деръ-Флита не читать лекцій; Носарь, просившій о томъ же профессора Хвольсона и пр.-доц. Каминку; Пинчуковъ, Власовъ, Щепотьевъ, Фигонтовъ, Волковъ, Соллогубъ и Ладыженскій, являвшіеся въ Университетъ исключительно для примѣненія обструкціи къ проф. Сергѣевскому, Маркову, Коновалову, Дювернуа, Фойницкому, Никитину и Ламанскому.

Большею частью къ профессорамъ обращались и съ ними говорили студенты другихъ факультетовъ, имъ не знакомые, при чемъ вышеупомянутый Носарь сбрилъ даже бороду, желая, по словамъ его, во время безпорядковъ меньше бросаться въ глаза.

О событіяхъ 8, 9 и 10-го ни попечитель учебнаго округа, дѣйств. тайн. сов. Капустинъ, подавшій 10 февраля прошеніе объ остаткѣ, ни помощникъ его, дѣйств. ст. сов. Лаврентьевъ официальныхъ свѣдѣній не имѣли, а знали о томъ лишь по рассказамъ и потому никакихъ мѣръ со стороны Округа принято не было; поведение студентовъ на актѣ, насколько извѣстно Управляющему учебнымъ округомъ, даже не обсуждалось Правленіемъ; вечеромъ 10-го февраля происходило у Министра Народ. Просв. частное собраніе, гдѣ указывалось на необходимость немедленно принять энергичныя мѣры, но, какъ удостовѣряетъ дѣйств. ст. сов. Лаврентьевъ, окончательнаго рѣшенія постановлено не было. Затѣмъ 11-го февраля было засѣданіе Правленія Университета, постановившее ходатайствовать передъ Министромъ Нар. Просв. о разрѣшеніи Совѣту Университета обратиться къ студентамъ со слѣдующимъ, одобреннымъ 40 профессорами, воззваніемъ:

„Совѣтъ Императорскаго СПб. Университета, разсматрѣвъ вопросъ о происходившихъ въ Университетѣ безпорядкахъ, обращается къ студентамъ съ предложеніемъ вернуться къ правильному теченію академической жизни, такъ какъ они должны быть убѣждены въ томъ,

что Совѣтъ стоитъ на сторонѣ интересовъ и чести университета. О поводѣ, вызвавшемъ волненіе среди студентовъ, Совѣтомъ рѣшено довести до свѣдѣнія Министра Народнаго Просвѣщенія“.

Это ходатайство Правленія было того же 11-го февраля доложено тайн. сов. Боголѣпову, но имъ отклонено; въ то же время со стороны его послѣдовало распоряженіе вывѣсить слѣдующее объявленіе:

„Ректоръ, на основаніи распоряженія Министра Нар. Просв., въ виду продолжающихся недозволенныхъ сходокъ, объявляетъ, что дальнѣйшія сходки и дѣйствія скопомъ, препятствующія чтенію лекцій, допущены не будутъ. Студенты предупреждаются, что упорствующие въ безпорядкахъ будутъ, по соглашенію Мин. Нар. Просв. съ Мин. Внутр. Дѣлъ, уволены изъ числа студентовъ и высланы на родину“.

Независимо отъ вывѣшенія этого объявленія, тайн. сов. Боголѣповъ поручилъ управляющему округомъ Лаврентьеву пригласить на слѣдующій день въ зданіе Университета полицію и, въ случаѣ препятствованія дальнѣйшему чтенію лекцій, всѣхъ наличныхъ студентовъ переписать.

Дѣйствительною причиною призыва полиціи былъ какъ удостовѣряетъ дѣйств. ст. сов. Лаврентьевъ, дошедшій до Мин. Народ. Просв. изъ конфиденціального источника слухъ о предполагаемой на 13-е февраля „чудовищной демонстраціи“ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній столицы, при чемъ на замѣчаніе Лаврентьева, что такой демонстраціи зимой на открытомъ мѣстѣ собраться трудно, а изъ закрытыхъ помѣщеній нѣтъ зала больше университетскаго, куда смогутъ попасть только одни студенты, Министръ отвѣтилъ, что ему неизвѣстно, гдѣ эта демонстрація состоится, но что она непременно будетъ. Разслѣдованіемъ безусловно никакихъ указаній на эту демонстрацію обнаружено не было.

Въ ночь на 12-е февраля, въ исполненіе выше указанного распоряженія Министра Народ. Просв., градоначальникъ приказалъ и. д. полицеймейстера, барону Нолькену, съ нарядомъ въ 600 нижн. чиновъ, явиться во дворъ Академіи Наукъ къ 10 час. 30 мин. утра и по

письменному требованію ректора или попечителя округа занять зданіе Университета, при чемъ поголовно переписать указанныхъ ему студентовъ. Въ 9 час. утра 12-го февраля въ Университетъ прибылъ д. ст. сов. Лаврентьевъ и около того же времени начали собираться студенты. Къ 10 часамъ ихъ было уже около 200 ч., при чемъ они воспрепятствовали чтенію лекцій профессорамъ: Коновалову, Тернеру и Никитину. Къ 11 ч. студентовъ собралось уже около 300—400 ч. и они стали вытѣснять изъ корридоровъ чиновъ и служителей инспекціи. Д. ст. сов. Лаврентьевъ предложилъ было предупредить студентовъ, что противъ нихъ будетъ употреблена сила, но ректоръ, ссылаясь на вывѣщенное уже объявленіе, отклонилъ это предложеніе, и въ 10 ч. 25 мин. утра Лаврентьевъ далъ бар. Нолькену письменное требованіе немедленно занять всѣ входы и выходы Университета, что было исполнено лишь по прошествіи часа и при томъ послѣ двухкратнаго повторенія требованія. Это опозданіе полиціи имѣло, по удостовѣренію Лаврентьева, тѣ послѣдствія, что многіе изъ дѣйствительно виновныхъ въ безпорядкѣ студентовъ, нарочно для того пораньше явившіеся въ Университетъ, узнавъ о призывѣ полиціи, успѣли уйти, а въ Университетъ набралось значительное, уже свыше 800 ч., количество студентовъ, большинство которыхъ имѣло прійти или на лекціи, или изъ простаго любопытства. Спрошенный при разслѣдованіи бар. Нолькенъ отозвался, что опоздалъ онъ потому, что по предъявленіи ему требованія Управляющаго учебнымъ округомъ онъ испрашивалъ особое разрѣшеніе у градоначальника, получить которое своевременно не могъ по причинѣ порчи телефона и отсутствія градоначальника изъ Управленія. На вопросъ о томъ, имѣлась ли надобность въ этомъ особомъ разрѣшеніи, ген.-майоръ Клейгельсъ при разслѣдованіи отозвался, что онъ предлагалъ бар. Нолькену избѣгать особой торопливости и, очень можетъ быть, обязалъ его снести по телеграфу.

Оцѣпивъ Университетъ, полиція приступила къ перепискѣ студентовъ, что и было исполнено безпрепятственно, при чемъ въ списки внесено 825 ч., у нѣкото-

рыхъ изъ коихъ были отобраны бывшіе при нихъ входные билеты. Около 12 ч. дня въ Университетъ прибылъ ген.-майоръ Клейгельсъ и продолжительное время бесѣдовалъ со студентами, жаловавшимися ему на избіеніе нагайками. Съ нимъ какъ выяснило слѣдствіе, объяснялись студенты С. Волькенштейнъ и Елпатьевскій, при чемъ, по удостовѣренію послѣдняго изъ нихъ, градоначальникъ отрицалъ фактъ нанесенія побоевъ и доказывалъ это тѣмъ, что предлагалъ студентамъ подавать жалобы, но таковыхъ подано не было; а по словамъ студента Дитриха, ген.-майоръ Клейгельсъ объявилъ, что завтра имъ слѣдуетъ являться на лекціи, которыя пойдутъ своимъ порядкомъ. Оставивъ Университетъ, градоначальникъ заявилъ ректору, что студенты производятъ на него благопріятное впечатлѣніе, почему онъ полагалъ бы возможнымъ ихъ не переписывать; но мѣра эта была принята по настоянію ректора. Это послѣднее обстоятельство, хотя и отрицаемое тайн. сов. Сергѣевичемъ, подтверждено при разслѣдованіи объясненіемъ ген.-майора Клейгельса.

Вечеромъ въ тотъ же день Министръ Нар. Просв. приказалъ поручить Правленію Университета разобрать виновность переписанныхъ 825 студ., а завтра впускать только тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ билеты, и для сего снова оцѣпить входы и выходы Университета полиціей.

13-го февраля, въ субботу, оцѣпленіе Университета было поручено бар. Нолькену съ нарядомъ въ 450 ч. нижнихъ чиновъ, но такъ какъ нарядъ этотъ явился лишь къ 11 ч., то въ Университетъ успѣло пройти значительное количество студентовъ, какъ имѣвшихъ при себѣ входные билеты, такъ и не имѣвшихъ оныхъ. По явкѣ полиціи, пропускались только предъявившіе билеты. Въ зданіи Университета замѣчался полный безпорядокъ: профессора отказывались читать лекціи, считая неудобнымъ проходить сквозь ряды занявшихъ корридоры городскихъ, а тѣ изъ нихъ, которые являлись на лекціи, находили аудиторіи пустыми; въ то же время въ свободныхъ аудиторіяхъ замѣчались группы студентовъ въ разстегнутыхъ сюртукахъ и тужуркахъ, курившихъ,

игравшихъ въ карты, или лежавшихъ на скамейкахъ, что при обыкновенной обстановкѣ совершенно немыслимо. Между тѣмъ, непропущенные въ Университетъ студенты стояли на улицѣ, прося или пропустить ихъ въ Университетъ, если занятія тамъ продолжаются, ибо они подвергаются взысканіямъ за пропуски лекцій, или объявить имъ, что чтеніе послѣднихъ прекращено.

Управляющій учебнымъ округомъ, поставленный въ крайне затруднительное положеніе въ виду, съ одной стороны, законности требованій студентовъ, съ другой—въ виду приказаній Министра Нар. Просв. ни въ какомъ случаѣ не объявлять чтеніе лекцій прекращеннымъ, призналъ возможнымъ дать знать находящимся на улицѣ студентамъ, что непосѣщеніе лекцій въ этотъ день имъ въ вину поставлено не будетъ. Въ этотъ день въ Университетѣ было переписано 1064 студ., а стоявшіе на улицѣ около 400 ч. были отведены въ близъ лежащій манежъ 1-го Кадет. Корпуса, гдѣ тоже были переписаны, послѣ чего, около 3-хъ часовъ пополудни, всѣ студенты были отпущены и спокойно разошлись.

На вечернемъ засѣданіи у Министра Нар. Просв., какъ показываетъ д. ст. сов. Лаврентьевъ, обсуждался въ этотъ день вопросъ о закрытіи Университета до осени, но рѣшеніе это принято не было, и въ наступающій понедѣльникъ снова приказано оцѣпить Университетъ полиціей.

15 февраля, въ понедѣльникъ, зданіе Университета было оцѣплено полиціей около 10 ч. 30 м. утра; въ Университетъ впускались только имѣвшіе входные билеты туда, а потому ихъ было немного; попытки читать лекціи по-прежнему не удавались, ибо толпившіеся въ корридорѣ студенты въ аудиторіи не шли. Въ 12 ч. назначена была лекція ректора Сергѣевича; отправясь въ свою аудиторію, онъ нашелъ ее пустою, а въ корридорѣ передъ нею стояла группа студентовъ, которые на вопросъ—нѣтъ ли въ числѣ ихъ его слушателей, отвѣтили отрицательно; тогда ректоръ предложилъ имъ перейти въ актовъ залъ, гдѣ онъ хочетъ побесѣдовать съ ними, но двое выступившихъ впередъ студентовъ вѣжливо и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно заявили, что

такъ какъ онъ самъ передалъ свою власть полиціи, то бесѣдовать они будутъ не съ нимъ, а съ полицеймейстеромъ. Имена этихъ двухъ студентовъ своевременно университетскимъ начальствомъ обнаружены не были и только впоследствии дознано, что одинъ изъ нихъ былъ Носарь. При разслѣдованіи это обстоятельство подтвердилось, при чемъ назвалъ себя и второй студентъ,—то былъ Власовъ. По уходѣ ректора студенты собрались въ VIII аудиторіи, какъ выяснено разслѣдованіемъ, для обсужденія вопроса: отдавать ли полиціи билеты, или отговариваться ихъ неимѣніемъ; рѣшено было—отдавать. Управляющій Округомъ поручилъ бар. Нолькену оцѣпить VIII аудиторію и переписать бывшихъ на сходкѣ студентовъ, но Нолькенъ явился одинъ, и при томъ послѣ двухкратной за нимъ посылки, а когда прибылъ съ командой, сходка уже разошлась. Причиной несвоевременнаго исполненія возложеннаго на него порученія бар. Нолькенъ указывалъ то обстоятельство, что о призывѣ полиціи къ VIII аудиторіи студенты были извѣщены однимъ изъ помощниковъ инспектора; по предъявленіи ему послѣднихъ, онъ призналъ кол. сов. Безсонова, что подтвердилъ и при разслѣдованіи; но это указаніе его, при дальнѣйшемъ обслѣдованіи, опровергнуто. Пока въ Университетѣ происходило вышеизложенное, на улицѣ передъ нимъ стояла масса студентовъ; всѣ они въ количествѣ 33 человекъ были отведены въ манежъ, гдѣ продержаны съ 12 ч. до 3 ч. 30 м. дня. Ничего не ѣвшіе съ утра студенты, по ихъ показаніямъ, сильно проголодались, тѣмъ болѣе, что сторожъ, который хотѣлъ купить ржаного хлѣба, не получилъ на это разрѣшеніе полиціи, а всѣ просьбы ихъ къ стоявшимъ въ манежѣ городовымъ—пригласить кого-либо изъ полицейскихъ офицеровъ—оставались безуспѣшными. По единогласнымъ показаніямъ допрошенныхъ студентовъ, въ манежѣ было сыро и холодно, къ тому же они должны были все время стоять на ногахъ, ибо лечь или сѣсть на сырой песокъ представлялось не безопаснымъ; чтобы согрѣться, они все время старались быть въ движеніи; а чтобы утолить голодъ, стали печь въ топившейся печкѣ найденный въ манежѣ

картофель; другіе ѣли изъ стоявшей тамъ корзины сухія корки хлѣба, видимо приготовленныя для корма лошадей или коровъ; въ манежѣ не было даже питьевой воды; особенно ихъ раздражало то, что караулившіе ихъ городовые при нихъ ѣли принесенную имъ пищу. Около половины четвертаго студенты, сохранявшіе все время полный порядокъ, были выпущены безъ переписки ихъ фамилій, и разошлись. Къ прибывшему въ это время градоначальнику обратились оставшіеся на улицѣ профессора Карѣевъ и Введенскій съ просьбой—разрѣшить имъ поговорить съ находящимися въ манежѣ студентами, но разрѣшенія этого дано имъ не было.

Съ 16 февраля чтеніе лекцій въ Университетѣ было прекращено: первые два дня подъ предлогомъ назначенныхъ въ эти дни засѣданій Совѣта, а 18 и 19 числа—безъ объявленія причинъ, о чемъ и вывѣшены соответствующія объявленія; затѣмъ, по распоряженію Министра Нар. Просв. отъ 22 февраля за № 59, занятія въ Университетѣ объявлены пріостановленными до 1 марта.

Засѣданія Совѣта 16 и 17 февраля были посвящены обсужденію поставленнаго тайн. сов. Боголѣповымъ вопроса: какое нравственное содѣйствіе можетъ оказать Совѣтъ по успокоенію умовъ молодежи?

Въ первомъ же изъ этихъ засѣданій нѣкоторые изъ профессоровъ, отъ лица значительной группы товарищей, просили ректора передать предсѣдательствованіе въ этомъ совѣтѣ Управляющему Округомъ, на что онъ не согласился, а въ слѣдующемъ засѣданіи заявилъ, что „оскорбленіе это имъ такъ же не заслужено, какъ и тѣ свистки, которые раздавались на актѣ“. Совѣтомъ указано было пять мѣръ къ успокоенію молодежи и, сверхъ того, въ засѣданіи 22 февраля одобренъ текстъ выработаннаго Правленіемъ и приведеннаго выше воззванія къ студентамъ, при чемъ, въ качествѣ одного изъ средствъ къ успокоенію послѣднихъ, проф. Ламанскимъ было предложено временное оставленіе ректоромъ должности подъ предлогомъ болѣзни или отпуска, что тайн. сов. Сергѣевичемъ принято не было. Журналы засѣданій Совѣта въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія

обсуждаемы не были, какъ удостовѣряетъ дѣйств. ст. сов. Лаврентьевъ, въ виду того, что самое назначеніе засѣданій Совѣта было лишь предлогомъ къ временному пріостановленію чтенія лекцій.

Въ залѣ Совѣта, въ дни засѣданій 16 и 17 февраля, на особомъ столѣ лежали петиціи на имя Министровъ Внутр. Дѣлъ и Народн. Просвѣщ., подписанныя академиками Фаминцынымъ и Бекетовымъ; къмъ были доставлены въ засѣданіе Совѣта эти петиціи, осталось не обнаруженнымъ и спрошенный при разслѣдованіи ректоръ тайн. сов. Сергѣевичъ отозвался, что о нихъ ему ничего неизвѣстно; между тѣмъ установлено, что петиціи эти подписывались большинствомъ профессоровъ во время засѣданія и, дѣйствительно, петиція Министру Народ. Просв. оказалась подписанною академиками Фаминцынымъ и Бекетовымъ и затѣмъ профессорами и преподавателями высшихъ столичныхъ учебныхъ заведеній.

Содержаніе этой петиціи слѣдующее:

„Желая содѣйствовать прекращенію студенческихъ волненій, мы считаемъ своимъ долгомъ высказать свое мнѣніе по этому предмету. Ближайшую причину волненій мы видимъ въ данномъ случаѣ въ слишкомъ жестокомъ отношеніи полиціи къ учащейся молодежи, подчасъ проявляемомъ въ оскорбительной формѣ. Подвергшіеся 8 февраля воздѣйствію полиціи юноши по необходимости собранные (?) къ тому, заслуживаютъ даже въ своемъ увлеченіи болѣе мягкаго и сердечнаго къ нимъ отношенія. Придя къ такому твердому убѣжденію, основанному на многолѣтнемъ опытѣ нашей преподавательской дѣятельности и близкомъ общеніи со студентами, мы рѣшаемся поднять свой голосъ въ защиту молодежи. Не усматривая ни малѣйшей политической окраски ни въ безпорядкѣ на актѣ 8 февраля, ни въ послѣдующихъ столкновеніяхъ съ полиціей, вызванныхъ разными случаями оскорбленія, путемъ полицейскаго воздѣйствія на студентовъ, предлагаемъ предоставить совѣту профессоровъ обсудить мѣры къ успокоенію молодежи“.

На петиціи положена слѣдующая резолюція: „по

докладъ Министру, приказано принять къ дѣлу“, и затѣмъ дальнѣйшая судьба ея неизвѣстна.

Во время указанныхъ выше засѣданій Совѣта, профессора Университета, озабоченные соблюденіемъ въ послѣднемъ полного порядка, установили между собой очередь наблюденія за тѣмъ, чтобы студенты не оставались у вѣнценныхъ у Университета объявленій и не образовывали толпы, могущей вызвать вмѣшательство полиціи. 16 февраля первая очередь была проф. Меншуткина, котораго смѣнилъ приватъ-доцентъ Карножицкій. Этотъ послѣдній поставилъ у дверей Университета студ. Кудрова и Кувшинскаго, поручивъ имъ уговаривать товарищей не собираться группами у объявленій, что тѣ и исполняли весьма успѣшно, убѣдивъ разойтись собравшуюся у главнаго подъѣзда группу человекъ въ 30. Распоряженіе это было отмѣнено испр. д. полицеймейстера бар. Нолькеномъ, удалившимъ студ. Кувшинскаго и замѣнившимъ его околочнымъ надзирателемъ и, сверхъ того, въ очень рѣзкой формѣ замѣтившимъ Карножицкому неумѣстность его вмѣшательства въ охраненіе порядка на улицѣ; засимъ, Карножицкій, съ разрѣшенія д. с. с. Лаврентьева, былъ арестованъ и доставленъ въ охранное отдѣленіе, гдѣ начальникъ этого отдѣленія, полковникъ Пирамидовъ, спрашивалъ его о подстрекательствѣ студентовъ и о раздачѣ имъ какихъ то записокъ, а засимъ Карножицкій былъ препровожденъ къ градоначальнику, который, объявивъ, что онъ ни въ чемъ не повиненъ, отпустилъ его на свободу.

Вышеизложенное извлечено изъ согласныхъ между собой показаній: проф. Введенскаго, прив.-доц. Карножицкаго и студ. Кудрова, Богданова, Некрасова, Кувшинскаго и др., удостовѣрившихъ, что Карножицкій никакихъ записокъ никому не давалъ.

Съ своей стороны, бар. Нолькенъ удостовѣряетъ, что Карножицкій раздавалъ студентамъ писанныя карандашомъ записки о явкѣ къ акад. Бекетову и Фаминцыну, за что съ разрѣшенія г. Управляющаго Учебнымъ Округомъ и былъ арестованъ.

Въ цѣляхъ выясненія вопроса — дѣйствительно ли въ дни безпорядковъ въ Университетъ собиралось необычно большое число студентовъ, во время разслѣдованія дѣла были потребованы свѣдѣнія о количествѣ ежедневныхъ посѣщеній Университета студентами за время съ сентября 1898 г. по февраль 1899 г. включительно. Изъ свѣдѣній этихъ видно, что число посѣтителей было:

	Наибольшее:	Наименьшее:
Въ 1898 г. 16 сентября	2623 посѣт.	25 сентября 2224 посѣт.
„ 13 октября	2648 „	31 октября 2343 „
„ 18 ноября	2801 „	28 ноября 2305 „
„ 1 декабря	2324 „	10 декабря 1436 „
Въ 1899 г. 29 января	2122 „	23 января 1445 „

Въ февралѣ мѣсяцъ число ежедневныхъ посѣтителей располагалось такъ:

Въ 1899 г. 1-го февраля	2096 посѣт.	6-го февраля	2177 посѣт.
„ 3-го	2281 „	9-го	2259 „
„ 4-го	2290 „	10-го	2315 „
„ 5-го	2290 „	11-го	2322 „

Изъ этихъ цифръ усматривается, что въ дни безпорядковъ 9, 10 и 11-го февраля, когда Университетъ не былъ еще оцѣпленъ полиціей и доступъ туда былъ свободенъ для студентовъ, въ количествѣ послѣднихъ не было вовсе увеличенія и уменьшенія ни сравнительно съ предшествовавшими днями февраля, ни въ сравненіи съ прочими мѣсяцами учебнаго года.

Въ исполненіе приведеннаго выше распоряженія Министра Нар. Просв. Правленіе Университета въ засѣданіяхъ 14 и 15 февраля приступило къ обсужденію вопроса о степени виновности участвовавшихъ въ безпорядкахъ студентовъ, выразившихся въ участіи ихъ въ забастовкѣ. Признаками болѣе дѣятельнаго участія въ послѣдней, какъ указываетъ г. с. Сергѣевичъ въ своей объяснительной запискѣ къ журнальнымъ постановленіямъ Правленія, почитались:

1) Раннее появленія въ Университетѣ, такъ какъ руководители должны были приходять раньше, чтобы убѣждать студентовъ не слушать лекціи;

2) Поздній уходъ изъ Университета, такъ какъ руководители по тѣмъ же соображеніямъ должны были оставлять Университетъ позже другихъ;

3) Непредъявленіе билета при входѣ, что должно было дѣлаться съ цѣлью скрыть свое имя, къ тому же неимѣніе при себѣ билета, отдѣльно взятое, уже составляетъ нарушеніе правилъ;

4) Нахождение въ корридорѣ главнаго зданія подлежащихъ студентовъ, но въ такое время, когда лекціи имъ въ аудиторіяхъ, въ этомъ корридорѣ расположенныхъ, не читаются;

5) Упорное желаніе проникнуть въ Университетъ студентовъ, которые, являсь въ установленномъ платьѣ, не были пропускаемы туда чинами полиціи и

6) Участіе въ безпорядкахъ прежняго времени.

Въ особомъ совѣщаніи у Министра Нар. Просв., происходившемъ 13 февраля, было рѣшено дѣлать участвующихъ въ безпорядкахъ студентовъ на двѣ группы: болѣе виновныхъ исключить изъ Университета, а менѣе виновныхъ—временно уволить, сообразно чему и должны были быть составлены два списка. Въ основаніе виновности положены были сообщенныя словесно Инспекторомъ свѣдѣнія о поведеніи студентовъ. По удостовѣренію члена Правленія, декана филологическаго факультета, проф. Никитина, Правленіе возбуждало вопросъ о недостаточности этихъ свѣдѣній, о необходимости обслѣдовать виновность каждаго лица въ отдѣльности, но въ виду необходимости быстроты и энергіи дѣйствій, признано было возможнымъ ограничиться этими свѣдѣніями, благодаря чему нельзя утверждать, что въ списки попали дѣйствительно виновные и не могли попасть такіе студенты, которые ни въ чемъ не участвовали и пришли въ Университетъ ради простаго любопытства и даже съ цѣлью слушать лекціи; еще въ первомъ засѣданіи Правленія составлялись два отдѣльные списка, исключенныхъ и уволенныхъ, т. е. наказанныхъ примѣнительно къ правиламъ Универси-

тетскаго Устава (на основаніи 52 ст. т. 11 ч. Устава учеб. завед., налагаемая университетскими властями наказанія суть: выговоръ, арестъ въ карцерѣ, увольненіе и исключеніе. Подробныя правила о взысканіяхъ опредѣляются особой инструкціей, утвержденной Министромъ Нар. Просв.) и даже былъ случай перенесенія студента изъ одного списка въ другой, но во второмъ засѣданіи Правленіе упустило это изъ вида и придало обоимъ спискамъ одинаковое значеніе, признавая всѣхъ включенныхъ въ нихъ студентовъ подлежащими лишь увольненію изъ Университета и высылкѣ на родину, при чемъ ректоръ объяснилъ, что въ данномъ случаѣ это не одна изъ карательныхъ мѣръ, предусмотрѣнныхъ уставомъ Университета, а мѣра предупредительная, избранная по соглашенію Министра Нар. Просв. съ Министромъ Внутр. Дѣлъ, какъ о томъ и было заранѣе объявлено студентамъ. По мнѣнію т. с. Сергѣевича, изложенному въ объяснительной запискѣ къ журнальнымъ постановленіямъ Правленія, эту мѣру надлежало примѣнить ко всѣмъ студентамъ, въ количествѣ около 1000 человекъ, участвовавшимъ въ безпорядкахъ 12, 13 и 15 февраля, но Правленіе примѣнило ее только къ тѣмъ изъ нихъ, которые своимъ поведеніемъ обратили на себя особое вниманіе инспекціи. Въ составленные списки вошли: въ одинъ 63, въ другой—15, а всего—78 студентовъ.

Всѣ эти 78 студентовъ были арестованы и затѣмъ иногородніе высланы въ избранные ими города, за исключеніемъ университетскихъ, при чемъ высылаемымъ предьявлялось объявленіе, что они исключаются изъ Университета по распоряженію Министра Нар. Просв., и высылаются изъ столицы; имѣющіе же постоянное мѣстожителство въ Петербургѣ были задержаны и затѣмъ отданы на поруки. Означенное распоряженіе, а главнымъ образомъ, порядокъ исполненія его, породили массу недоразумѣній. Съ одной стороны уволенные изъ Университета, считая себя, какъ имъ о томъ было объявлено, исключенными, полагали, что они лишены права вновь поступить въ число студентовъ, а съ другой стороны—начальство тѣхъ городовъ, куда они были вы-

сланы, не получая никаких свѣдѣній изъ Петербурга, не знало какъ смотрѣть на прибывшихъ студентовъ, слѣдуетъ ли учреждать надъ ними полицейскій надзоръ или нѣтъ, а въ одномъ случаѣ даже возбуждался вопросъ объ обратной высылкѣ студента въ С.-Петербургъ, какъ беспаспортнаго. При высылкѣ, какъ удостоверяютъ студенты, имъ предложено было отправиться на собственный счетъ, а неимѣющіе средствъ должны были слѣдовать этапнымъ порядкомъ. Внимательное разсмотрѣніе обоихъ списковъ высланныхъ подтверждаетъ приведенное выше указаніе проф. Никитина на ту поспѣшность, съ которою были составлены эти списки: противъ фамилій большинства вошедшихъ въ нихъ студентовъ имѣется отмѣтка: „замѣтно агитировалъ“, но когда именно агитировалъ и въ чемъ эта агитация выразилась—не указано; противъ нѣкоторыхъ (Дитрихсъ) имѣется такая отмѣтка: „записанъ полиціей 12 февраля; 11 февраля былъ въ группѣ студентовъ передъ аудиторіями, тогда какъ лекціи у него должны быть въ кабинетахъ; посѣщаль Университетъ во всѣ дни безпорядковъ, кромѣ 13 февраля; каковыхъ свѣдѣній казалось недостаточно, въ виду того, что студентъ могъ быть въ главномъ зданіи, чтобы ознакомиться съ вывѣшиваемыми тамъ распоряженіями начальства, а ежедневное посѣщеніе Университета, при отсутствіи извѣщенія о прекращеніи чтенія лекцій, для студента обязательно. 12 февраля полиціей было переписано 825 человекъ; студенту Назарову поставлено было въ вину, что онъ на сходкѣ 18 февраля говорилъ рѣчь, но не указано содержаніе этой рѣчи, а въ числѣ ихъ, несомнѣнно, были и рѣчи, успокаивающія товарищей и убѣждающія ихъ возвратиться къ порядку. Студентъ Дрешеръ показанъ посѣщавшимъ Университетъ во всѣ дни безпорядковъ кромѣ 12 февраля, при чемъ сказано, что 8 февраля онъ свисталъ на актѣ; между тѣмъ показаніями надв. сов. Деноре и кап. Гринева удостоверяется, что Дрешеръ у нихъ имѣетъ уроки: у перваго ежедневно съ 9 до 11 ч., а съ 8 по 13 февраля былъ на этихъ урокахъ въ квартирѣ свидѣтеля на Пушкинской ул., и посему ранѣе полудня въ Университетѣ

быть не могъ, а въ квартирѣ второго по Знаменской ул., онъ былъ на урокѣ 8 февраля съ 2 до 4 ч. пополуночи, слѣдовательно ранѣе начала рѣчи ректора во время Университетскаго акта. Въ 20 день февраля воскресенье послѣдовало Высочайшее повелѣніе о производствѣ всесторонняго разслѣдованія причинъ и обстоятельствъ безпорядковъ, начавшихся 8 февраля въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ и затѣмъ распорядившихся на нѣкоторыя другія учебныя заведенія, при чемъ принятіе мѣръ къ возстановленію въ упомянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ оставлено на обязанности начальниковъ сихъ заведеній.

6 марта 1899 г., по возстановленіи въ Университетѣ обычнаго порядка, Правленіе Университета, пересмотрѣвъ списки уволенныхъ студентовъ, постановило ходатайствовать о возвращеніи въ число студентовъ всѣхъ 78 человекъ, но съ тѣмъ, чтобы 49 изъ нихъ были подвергнуты выговору со внесеніемъ въ штрафную книгу, а 29 назначенъ былъ выговоръ и арестъ въ камерѣ на 3 дня, съ предупрежденіемъ, что, при повтореніи, они будутъ уволены изъ Университета. Это постановленіе Правленія, утвержденное Министеромъ Нар. Прос., не содержитъ въ себѣ никакой мотивировки, такъ что не видно ни того, какими основаніями руководилось Правленіе, относя студента къ одной изъ указанныхъ, весьма различныхъ по наказуемости группъ, ни того, въ силу какихъ соображеній Правленіе признало нужнымъ прибѣгнуть къ наложенію мѣръ наказанія на виновныхъ студентовъ, не выжидая окончанія назначеннаго по Высочайшему повелѣнію всесторонняго разслѣдованія причинъ и обстоятельствъ безпорядковъ. Независимо отъ сего приведенное выше постановленіе объявлено высланнымъ студентамъ на мѣстѣ ихъ жительства не было и они вернулись въ Университетъ, благодаря лишь частно полученнымъ отъ родныхъ, знакомыхъ и товарищей письмамъ и телеграммамъ. Обнародованіе воспослѣдовавшаго 20 февраля Высочайшаго повелѣнія произвело на учащуюся молодежь успокаивающее вліяніе. 1, 2 и 3 марта въ Университетѣ состоялись сходки, на нихъ большинствомъ голосовъ поста-

новлено вернуться къ обычнымъ занятіямъ; волновала студентовъ лишь судьба высланныхъ товарищей, при томъ высланныхъ не только изъ С.-Петербургскаго Университета, но и изъ другихъ столичныхъ и провинціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Сходка постановила: „возложить ихъ судьбу на совѣсть производящаго по Высочайшему повелѣнію разслѣдованіе по настоящему дѣлу и на совѣсть академикова Бекетова и Фаминцына“.

Всѣ эти сходки происходили съ вѣдома ректора въ актовомъ залѣ; 1 марта студенты вошли черезъ окно, но вслѣдъ затѣмъ залъ былъ предоставленъ сходкѣ съ его разрѣшенія. По примѣру прежнихъ сходокъ и на этихъ было особое бюро въ составѣ трехъ лицъ, одинъ изъ коихъ несъ обязанности предсѣдателя. Такимъ предсѣдателемъ на первой сходкѣ былъ студентъ Щеголевъ, а на двухъ послѣднихъ студентъ Волькенштейнъ, въ составѣ бюро были студенты Сумчинъ и Гуревичъ. На двухъ послѣднихъ сходкахъ присутствовалъ самъ ректоръ, помѣщаясь на кафедрѣ рядомъ съ предсѣдателемъ, разговаривалъ съ нимъ, а уходя раньше окончанія послѣдней сходки, просилъ предсѣдателя сообщить ея рѣшеніе. По удостовѣренію Волькенштейна, когда онъ, въ исполненіе желанія ректора, явился къ послѣднему, ему видимо было уже извѣстно рѣшеніе сходки и онъ только замѣтилъ Волькенштейну, что „въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ исключены по одной трети студентовъ, а мы, которыхъ вы освистали, изъ четырехъ почти тысячъ исключили всего 78 чел“.

Съ 4 марта чтеніе лекцій началось въ полномъ порядкѣ, при обычномъ порядкѣ, числѣ слушателей и Университетъ вошелъ въ обычныя условія жизни.

Приведенное выше, основанное на добытыхъ разслѣдованіемъ данныхъ изложеніе обстоятельствъ, возникшихъ 8 февраля въ Имп. С.-Петербургскомъ Университетѣ безпорядковъ останавливаетъ на себѣ вниманіе въ томъ отношеніи, что безпорядки эти, особенно начиная съ 10 февраля, производились какъ бы по строго обдуманному плану и въ извѣстномъ болѣе или менѣе послѣдовательномъ порядкѣ, что представляется

особенно страннымъ, въ виду той разобщенности, въ которую поставлены студенты условіями жизни, а главнымъ образомъ самимъ закономъ и административными распоряженіями, а затѣмъ въ виду обилія (около 4000) студентовъ С.-Петербургскаго Университета, принадлежащихъ къ разнымъ слоямъ общества, прибывшихъ сюда изъ разныхъ мѣстъ Имперіи и въ большинствѣ случаевъ не знакомыхъ другъ съ другомъ. Все это, совокупно взятое, приводитъ къ заключенію, что движеніемъ студентовъ, выразившимся въ безпорядкахъ и имѣвшимъ мѣсто въ февралѣ сего года, руководило отдѣльное какое-либо лицо, или группа лицъ, или какой-либо органъ, на это уполномоченный. Такимъ органомъ, казалась могла бы быть давно существующая въ С.-Петербургскомъ Университетѣ нелегальная студенческая касса, извѣстная подъ именемъ „касса взаимопомощи“. При разспросѣ по этому поводу ректора, инспектора студентовъ и его помощниковъ, а равно и нѣкоторыхъ профессоровъ и преподавателей обнаружено лишь, что всѣ они слышали о существованіи этой кассы, слышали болѣе или менѣе давно, но что имъ ничего о ней неизвѣстно. Только чистосердечнымъ, вполне откровеннымъ, обстоятельнымъ и во всемъ согласнымъ съ прочими данными дѣла, показаніямъ студентовъ разслѣдованіе обязано слѣдующими, относящимися до этой кассы, данными.

Касса взаимопомощи существуетъ съ 1882 года; возникла она, какъ инстинктивный протестъ противъ Университетскаго устава, воспреещающаго всякое общеніе студентовъ, какъ стремленіе создать какую-либо корпорацію, столь свойственное молодежи, только что оставившей среднія учебныя заведенія, гдѣ этотъ корпоративный духъ лежитъ въ основѣ самого заведенія, и, наконецъ, желаніе имѣть возможность побесѣдовать вдали отъ полицейскихъ шпионовъ, которыми, по главному убѣжденію студентовъ, переполненъ Университетъ. Задачи ея: взаимопомощь посредствомъ выдачи единовременныхъ, съ возвратомъ или безъ возврата, денежныхъ пособій особенно нуждающимся студентамъ безъ различія,—состоятъ они членами кассы или нѣтъ;

самообразование, для чего служит библиотечка, состоящая из небольшого (около 100 книг) числа книг научного содержания, книг, частью редких, частью — воспрещенных в публичных библиотеках и читальнях и потому недоступных студентам; в числе этих книг есть прямо запрещенные заграничные издания; обмен мыслей и сведений путем общих бесед и чтений в мѣстах, гдѣ бы не могла помѣшать этому полиція; разрѣшеніе недоразумѣній между начальством и студентами, что дѣлается не отъ имени кассы, а отдѣльными ея наиболее уважаемыми представителями и, наконецъ, изданіе такъ называемой, „литературы“ т.е. по большей части гектографированныхъ бюллетеней по поводу того или другого волнующаго студентовъ событія.

Средства кассы составляютъ: пожертвованія, сборъ съ вечеринокъ и чтений 8 февраля, сборъ со спектаклей, устраиваемыхъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ и членскіе взносы. Первые два источника доходовъ легко и свободно могутъ поступать въ кассу, тѣмъ болѣе, что, какъ уже сказано выше, администрація не соблюдаетъ установленныхъ правилъ контроля за суммами, вырученными съ чтений, публичныхъ спектаклей, которыхъ касса не устраиваетъ и устраивать не можетъ; они даются обществомъ вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ Имп. С.-Петербургскаго Университета, учрежденіемъ вполне легальнымъ и имѣющимъ утвержденный въ надлежащемъ порядкѣ уставъ. Общество это не знаетъ, да и не можетъ знать всѣхъ дѣйствительно нуждающихся студентовъ и посему, при распредѣленіи между ними вырученныхъ со спектаклей суммъ, приходится ему на помощь касса, доставляя обществу списокъ такихъ студентовъ, съ указаніемъ размѣра пособія для нихъ. Списокъ этотъ хотя и составляется кассой и ею провѣряется, но передается не отъ ея имени, а отъ имени отдѣльныхъ ея членовъ, извѣстныхъ членамъ и распорядителямъ общества вспомошествованія и старающимися поддерживать съ ними связь. По удостовѣренію свидѣтелей, не было случая измѣненія обществомъ доставленнаго ему кассой списка.

Что касается членскихъ взносовъ, то каждый членъ уплачиваетъ опредѣленную имъ самимъ сумму не менѣе 20 к. Затѣмъ члены кассы составляютъ изъ себя особую группу изъ болѣе или менѣе тѣсно связанныхъ между собой товарищей, обыкновенно земляковъ, числомъ не менѣе 6—7 человекъ, и каждая такая группа выбираетъ особаго представителя, совокупность которыхъ — „представительское собраніе“ — изображаетъ собою центральный органъ управленія кассой. Это собраніе выбираетъ нѣсколькихъ лицъ, въ томъ числѣ предсѣдателя и кассира, представляющихъ собой правленіе кассы.

Членами кассы взаимопомощи состоятъ почти исключительно иногородные небогатые студенты и преимущественно студенты младшихъ курсовъ. Петербургскіе уроженцы или проживающіе въ Петербургѣ съ семьями очень рѣдко вступаютъ въ кассу; она переполняется пріѣзжими, которые, попавъ въ незнакомый городъ и въ совершенно чуждую имъ обстановку, не имѣя здѣсь ни родныхъ, ни знакомыхъ, естественно ищутъ своихъ земляковъ товарищей, черезъ посредство которыхъ получаютъ столь необходимую на первыхъ порахъ денежную помощь и затѣмъ вступаютъ въ кассу, видя въ ней единственное средство взаимопомощи; въ извѣстной мѣрѣ является въ глазахъ неопытныхъ юношей привлекательной принадлежностью хотя и къ невинному, но во всякомъ случаѣ тайному обществу. Старые студенты, имѣющіе менѣе свободного времени, поступаютъ въ кассу неохотно, и, переходя на высшіе курсы, обыкновенно прекращаютъ свое въ ней участіе.

До 1895 года въ кассѣ было свыше 500 членовъ; съ тѣхъ поръ она падаетъ, теряетъ популярность среди студентовъ, особенно съ тѣхъ поръ какъ члены ея перестали подвергаться настойчивымъ преслѣдованіямъ; вслѣдъ затѣмъ она сдѣлалась консервативной и перестала употреблять въ своихъ изданіяхъ тѣ громкія либеральныя фразы, которыя такъ увлекаютъ молодежь. Въ настоящее время она, по выраженію свидѣтелей, „едва влачитъ свое жалкое существованіе“, членовъ въ ней отъ 250 до 300 ч., а представителей — человекъ

20—25. Представительское собраніе за послѣдніе годы не собиралось ни разу и дѣлами кассы самовластно распоряжается кассиръ; его упрекають въ вяломъ веденіи дѣла и плохомъ сборѣ денегъ. Политическихъ цѣлей касса давно уже не преслѣдуетъ, въ нелегальныхъ заграничныхъ изданіяхъ не участвуетъ и помощи заграничнымъ эмигрантамъ не оказываетъ, да и оказывать не можетъ, по крайней скудости своихъ денежныхъ средствъ. Послѣдняя такая попытка была сдѣлана въ 1896 г., когда часть членовъ возбуждала вопросъ о необходимости отчислить 50 проц. своихъ доходовъ въ пользу тайнаго общества „Краснаго Креста“, имѣющаго задачей оказаніе помощи лицамъ, содержащимся подъ стражей и находящимся въ ссылкѣ за преступленія политическаго характера. Тогда всѣ наиболѣе вліятельные члены кассы вышли изъ ея состава и, повидимому, указанное предложеніе не осуществилось.

По единогласному удостовѣренію свидѣтелей студентовъ, настоящимъ движеніемъ касса не руководила и руководить не могла, будучи сама представительницею небольшого кружка студентовъ; по выраженію одного изъ этихъ свидѣтелей, „она сама была увлечена движеніемъ студенчества, а не увлекала его“. Начальникъ отдѣленія по охраненію общественной безопасности и порядка, полк. Пирамидовъ, въ показаніи своемъ, удостовѣряетъ, что „вожаками настоящаго движенія были члены кассы, многіе изъ которыхъ извѣстны отдѣленію, какъ подстрекатели“.

Отдѣльные члены, какъ таковые, могли, конечно, быть вожаками движенія, но не въ качествѣ членовъ кассы, которая, какъ цѣлое, не принимала въ немъ участія. Дѣломъ этого движенія руководилъ особый организационный комитетъ, связь котораго съ кассой, какъ видно изъ нижеизложеннаго, была чисто внѣшняя.

Представляемое изложеніе организационности кассы взаимопомощи извлечены изъ совершенно согласныхъ между собой показаній допрошенныхъ при разслѣдованіи студентовъ, нѣкоторые изъ коихъ указали на себя, какъ на членовъ или представителей кассы. Представителями кассы, состоящими въ этомъ

званіи и понынѣ, называли себя студенты: Влад. Елпатьевскій, Вас. Гуревичъ, Арк. Великопольскій, В. Власовъ (почетный членъ), затѣмъ выбывшими въ 1897 и 1898 г.: С. Салтыковъ, Ал. Булатовъ, Вас. Варваръ, В. Токаревъ, Вас. Кувшинскій, Вл. Солдатовъ Евг. Ноздринъ.

Изъ изложеннаго видно, что въ началѣ движенія, а именно 9, 10 и 11 февраля, въ зданіи Университета, съ вѣдома Университетскаго начальства, происходили сходки студентовъ, имѣющія предсѣдателя и особое бюро. Когда большинствомъ голосовъ было рѣшено выразить протестъ препятствіемъ чтенію лекцій, то на сходкѣ 10 февраля установлено, чтобы ораторы, особенно сильно отстаивающіе это принятое большинствомъ рѣшеніе, взяли на себя руководство веденіемъ дѣла. Такимъ образомъ и составилъ управляющій дѣломъ органъ, получившій названіе организационнаго комитета. Ближайшею его задачею было руководить движеніемъ, придавъ ему возможно большую огласки; быть представителемъ и исполнителемъ рѣшенія сходокъ и выработать программу дѣйствій; въ сихъ видахъ, онъ издавалъ особые гектографированные бюллетени; въ нихъ сообщалось о положеніи дѣла, о состоявшихся распоряженіяхъ университетскаго начальства; давались указанія, какъ слѣдуетъ вести себя, и представлялся отчетъ о денежныхъ средствахъ комитета; бюллетени эти писались кѣмъ-либо изъ членовъ, редакція ихъ одобрялась всѣмъ комитетомъ, а затѣмъ они изготовлялись въ количествѣ 300 или болѣе экземпляровъ и распространялись среди студентовъ, раздавались въ столовой и рассылались по другимъ столичнымъ и провинціальнымъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ.

Выработанная организационнымъ комитетомъ программа, изложенная въ особо изданномъ бюллетенѣ, озаглавленномъ „Наши Требования“, слѣдующая: точная регламентация правъ и обязанностей полиціи; точное установленіе порядка отвѣтственности ея, въ случаѣ нарушенія ею правъ личности, для чего необходимо установить: а) жалобы на дѣйствія полиціи должны подаваться въ общія судебныя установленія, которыя разсматриваютъ ихъ независимо отъ согласія начальства; судъ

опредѣляетъ, было-ли въ данномъ случаѣ насиліе и вызвано ли оно необходимостью; б) разборъ этого рода дѣлъ долженъ производиться въ установленный срокъ и в) должны быть опубликованы во всеобщее свѣдѣніе какъ правила, которыми должна руководиться полиція, въ видахъ поддержанія порядка на улицахъ, такъ и тѣ, которыми регулируются ея отношенія къ студентамъ. Денежныя средства комитета образовались изъ добровольныхъ пожертвованій, каковыхъ поступило до 2260 р. Деньги эти расходовались на выдачу пособій арестованнымъ и высланнымъ товарищамъ, а также тѣмъ изъ нихъ, которые, возвратясь снова въ Петербургъ, не имѣли средствъ къ существованію, не успѣвъ получить денегъ изъ дому, добыть урокъ или иное занятіе; наконецъ, извѣстная сумма издержана была и на изданіе бюллетеней.

Съ кассой взаимопомощи организаціонный комитетъ, обладая совершенно отдѣльными отъ ея капитала средствами, не имѣлъ ничего общаго; связь между ними была чисто внѣшняя и выражалась съ одной стороны въ томъ, что многіе изъ членовъ кассы, выступивъ ораторами на сходкахъ, вошли вслѣдствіе сего въ составъ членовъ комитета, а съ другой въ томъ, что послѣдній въ видахъ удостовѣренія подлинности своихъ бюллетеней прикладывалъ штемпель кассы, ибо своего штемеля или печати не имѣлъ.

Первоначально комитетъ составилъ изъ 7 лицъ, но впослѣдствіи къ нимъ были прибавлены 4 кандидата, которые имѣли въ виду замѣстить и дѣйствительно замѣстили между 14 и 16 февраля арестованныхъ и затѣмъ высланныхъ членовъ.

По собственному сознанию, подтвержденному показаніями допрошенныхъ при разслѣдованіи студентовъ, членами комитета при первомъ его образованіи были: С. Волькенштейнъ, Н. Иорданскій, П. Перовскій, И. Ладженскій, Г. Носарь, П. Щеголевъ, В. Елпатьевскій, а кандидатами, вошедшими впослѣдствіи въ составъ комитета, были: С. Салтыковъ, С. Таскинъ, В. Власовъ, В. Даниловъ.

Организаціонный комитетъ въ указанномъ выше со-

ставѣ имѣлъ сношенія съ другими учебными заведеніями, посылалъ депутатовъ въ провинціальныя города, принималъ делегатовъ отъ разныхъ учебныхъ заведеній и устраивалъ делегатскія собранія. Сношенія съ провинціальными учебными заведеніями поддерживались письмами,—такъ переписывались съ Харьковомъ, Одессою, Томскомъ, Казанью, Полтавою, Юрьевомъ и Ново-Александріею; делегаты являлись отъ институтовъ: Горнаго, Путей Сообщенія, Технологическаго, Гражданскихъ Инженеровъ, Электротехническаго, Лѣснаго, Высшихъ Женскихъ Курсовъ, Военно-Медицинской Академіи, Женскаго Медицинскаго Института, Академіи Художествъ и Рождественскихъ Курсовъ; делегатскихъ засѣданій было 7 или 8; постояннымъ представителемъ Университета на этихъ собраніяхъ былъ студентъ Власовъ; предсѣдательствовалъ кто-либо изъ членовъ организаціоннаго комитета. Задача этихъ делегатскихъ собраній была: держать всѣ учебныя заведенія въ курсѣ дѣла и поддерживать между ними солидарность.

Кто были эти делегаты отъ другихъ учебныхъ заведеній, осталось необнаруженнымъ, за исключеніемъ делегатовъ отъ Лѣснаго Института, студентовъ этого института Рериха и Циммермана. Они, между прочимъ, 12 февраля переодѣтые въ форму студентовъ Университета, пробовали пройти въ Университетъ, но сдѣлать этого не могли, ибо послѣдній былъ окруженъ полиціей, а, отправляясь оттуда въ Горный Институтъ, были арестованы. Делегатами отъ Университета въ другія учебныя заведенія были, по собственному ихъ сознанию: студентъ Носарь, отправлявшійся въ Лѣсной Институтъ, и студентъ Салтыковъ ѣздившій въ Москву; наконецъ была послана депутація на Высшіе Женскіе Курсы, съ просьбой—не присоединяться къ движенію въ виду недостаточной обезпеченности ихъ существованія. Кто былъ въ составѣ депутаціи—не извѣстно.

Обнародованіе Высочайшаго повелѣнія 20 февраля вызвало среди студентовъ разномысліе, отразившееся на делегатскомъ собраніи: становилось слишкомъ замѣтно желаніе поскорѣе вернуться къ правильнымъ занятіямъ и въ засѣданіи делегатовъ 23 февраля, состояв-

шемя подъ предсѣдательствомъ студента Салтыкова, было рѣшено прекратить забастовку, а вслѣдъ за симъ организаціонный комитетъ, признавъ, дальнѣйшій протестъ въ виду настроенія большинства представляется невозможнымъ, и всякое движеніе надлежитъ признать конченнымъ, сложилъ съ себя руководство этимъ движеніемъ, но оставался еще до ближайшей сродки, т. е. до 1 марта, когда окончательно былъ упраздненъ. „Съ 4 марта нарушенный въ университетѣ порядокъ возстановился, лекціи стали читаться при обычномъ числѣ слушателей, и съ того же времени среди студентовъ образовался, какъ они называютъ „расколъ“, т. е. большинство рѣшило прекратить движеніе, въ надеждѣ на возвращеніе высланныхъ товарищей, а меньшинство разбилось на слѣдующія группы:

- 1) Группа 147. Программа ея: продолжать движеніе до возвращенія товарищей;
- 2) Группа обструкціонистовъ;
- 3) Группа дѣйствительныхъ обструкціонистовъ;
- 4) Первая группа независимыхъ;
- 5) Вторая группа независимыхъ;
- 6) Группа единомыслящихъ.

Изъ этихъ группъ первая группа независимыхъ приняла программу бывшего организаціоннаго комитета; группа единомыслящихъ стояла за полное и немедленное прекращеніе движенія безъ всякихъ условій; остальные три группы по программамъ своимъ были сходны съ первою группою независимыхъ и различались лишь въ нѣкоторыхъ мелочныхъ подробностяхъ. Существованіе всѣхъ этихъ группъ, равно какъ и вся эта организація движенія оставались совершенно неизвѣстными университетскому начальству. Личный составъ этихъ группъ, имена ихъ руководителей и мѣсто собраній разслѣдованіемъ обнаружены не были. Возникшіе въ Имп. С.-Петербургскомъ Университетѣ безпорядки отразились и на другихъ столичныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ближайшею причиною сего было общее желаніе молодежи выразить сочувствіе униженнымъ и оскорбленнымъ избіеніемъ нагайками—студентамъ университета; способомъ выраженія этого сочувствія было

избрано прекращеніе занятій, а средствами для сего служащими, какъ указано выше,—постоянный обмѣнъ извѣстій, посылка депутатовъ и общія делегатскія собранія. Движеніе это распространилось на Военно-Медицинскую Академію, институты: Технологическій, Горный, Лѣсной, Электротехнической, Историко-Филологическій, Гражданскихъ Инженеровъ, Путей сообщенія, Высшіе Женскіе Курсы и Женскій Медицинскій Институтъ.

Установивъ приведенную выше исторію безпорядковъ среди учащейся молодежи, выяснивъ организацію самаго движенія и обнаруживъ лицъ, руководящихъ этимъ движеніемъ, разслѣдованіе поставило себѣ задачи, въ точное исполненіе Высочайшей воли выяснить причины и ближайшіе поводы этихъ безпорядковъ, указать лицъ, въ нихъ виновныхъ и добыть матеріалъ къ разрѣшенію вопроса о томъ, насколько эти безпорядки находились въ связи съ политическими движеніями послѣднихъ лѣтъ.

Въ этомъ отношеніи прежде всего подлежитъ признать установленнымъ, что нарушеніе порядка внутри Университета въ день годового праздника 8 февраля 1899 года находится лишь въ весьма отдаленной связи съ послѣдовавшими затѣмъ безпорядками. Ближайшимъ поводомъ къ нарушенію порядка на самомъ актѣ было появленіе ректора, а самые безпорядки были вызваны желаніемъ выразить протестъ и неудавшеюся формою этого протеста. Отсутствіе на актѣ высшихъ чиновъ центрального управленія, и непринятіе со стороны университетскаго начальства никакихъ мѣръ къ предупрежденію проявленія на актѣ задуманнаго студентами протеста, слабость инспекціи и въ извѣстной мѣрѣ самонадѣянность ректора университета, который не призналъ нужнымъ предварительно воздѣйствовать на студентовъ передъ началомъ акта, когда въ его распоряженіи оставалось болѣе двухъ часовъ (съ 11—1) и что было возможно тѣмъ болѣе, что, какъ видно изъ вышеизложеннаго, среди студентовъ было много благонамѣренныхъ, стоявшихъ за полное сохраненіе порядка. Все это, вмѣстѣ взятое, облегчало и въ извѣстной мѣрѣ даже содѣйствовало нарушенію порядка въ день акта

въ той формѣ, въ какой это выразилось 8 февраля 1899 года. Причиной дальнѣйшихъ безпорядковъ было прежде всего происшедшее 8 февраля столкновение съ полиціей, на которое студенты, несмотря на то, что сами начали его бросаніемъ снѣжковъ, лопать и метель, все-таки были склонны смотрѣть, какъ на безпричинное избіеніе ни въ чемъ неповинной толпы. Оставленіе безъ вниманія университетскимъ начальствомъ того настроенія, въ которомъ находилась университетская молодежь 9 февраля, непринятіе своевременно надлежащихъ мѣръ къ воспрепятствованію обсуждения студентами событія на сходкѣ могло внушить студентамъ увѣренность, что у своего начальства имъ нечего надѣяться найти защиту, каковая увѣренность только окрѣпла послѣ выслушанныхъ ими 9 и 11 февраля рѣчей ректора, дѣйствовавшихъ скорѣе къ усилению волненія студентовъ, чѣмъ къ его успокоенію. Дальнѣйшій затѣмъ образъ дѣйствій университетскаго начальства, относившагося снисходительно къ продолжающимся сходкамъ, даже узаконившаго ихъ своимъ на нихъ присутствіемъ, оставившаго студентовъ безъ должнаго воздѣйствія и не принявшаго на первыхъ порахъ никакихъ мѣръ противъ воспрепятствованія чтенію лекцій, все это способствовало укрѣпленію среди студентовъ убѣжденія съ одной стороны въ ихъ полной беззащитности, а съ другой—въ ложномъ понятіи о ихъ силѣ и возможности бороться собственными средствами, особенно въ виду того обстоятельства, что во все время волненій они не видѣли ни разу не только министра или его товарища, могущихъ сильнымъ словомъ и властной рѣчью образумить ихъ, но даже управляющаго учебнымъ округомъ (д. с. сов. Лаврентьева: по собственному его показанію, бывалъ всѣ эти дни въ зданіи Университета, но къ студентамъ ни разу не выходилъ), а имѣли дѣло исключительно съ ректоромъ, который, по ихъ ложнымъ понятіямъ, представлялся имъ тѣмъ самымъ лицомъ, съ которымъ они вели борьбу.

Такимъ образомъ лицами, на коихъ должна упадать отвѣтственность за имѣвшіе мѣсто въ февралѣ безпорядки въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, должны быть признаны:

1) Учебное начальство, не проявлявшее, какъ сказано выше, должной энергіи и осмотрительности въ первые дни безпорядковъ и смотрѣвшее снисходительно на совершающееся въ его глазахъ нарушеніе студентами установленныхъ правилъ, а въ частности:

а) Ректоръ Университета т. с. Сергѣевичъ, которому сверхъ вышеизложеннаго должно быть поставлено въ вину присутствіе на недозволенныхъ сходкахъ студентовъ съ самовольно избраннымъ ими предсѣдателемъ сходки и, наконецъ, произнесеніе на этихъ сходкахъ рѣчей, совершенно не соотвѣтствующихъ даннымъ обстоятельствамъ.

Такія, признанныя самимъ т. сов. Сергѣевичемъ за дѣйствительно произнесенныя имъ фразы, какъ о невозможности правильно обсуждать дѣло на многолюдной сходкѣ, какъ указанія на то, что усердная полиція перехватываетъ черезъ край и преслѣдовать ее за это трудно... „я даже не удивляюсь, если сообщать вскорѣ, что поручикъ получилъ чинъ штабсъ-капитана“, что сенаторъ Кони, съ которымъ ректоръ совѣтовался, сказалъ, что „если бы студенты требовали закрытія полиціи, они поступили бы логично“... что „изъ-за того, что полиція надѣлала глупостей, не слѣдуетъ нарушать законовъ, что дѣянія студентовъ есть революція въ закрытомъ помѣщеніи, что студенты въ прошломъ году сняли строй полиціи, и побѣдоносно двинулись по Невскому“—такія фразы, выслушиваемыя студентами отъ ученаго юриста, законовѣда и профессора, способны были содѣйствовать усилію волненія молодежи, внушая ей совершенно ложныя понятія, а не успокоить ихъ. Затѣмъ, дальнѣйшая дѣятельность ректора указываетъ, что онъ, сосредоточивъ все вниманіе на нанесенномъ ему оскорбленіи на актѣ, постоянно напоминалъ объ этомъ студентамъ и, думая все время только о себѣ, относился слишкомъ поверхностно къ совершающимся безпорядкамъ, которые на первыхъ порахъ легко было подавить.

б) Инспекція Университета, не проявившая должной энергіи въ надзорѣ за студентами, не обнаружившая тотчасъ же лицъ, виновныхъ въ первыхъ безпорядкахъ, и относившаяся къ нимъ безучастно, посвящая свое

время обычнымъ канцелярскимъ занятіямъ. При этомъ нельзя не признать, что уменьшающимъ вину инспекціи обстоятельствомъ является слабость ея силъ, ибо четыре помощника инспекторовъ при одиннадцати слугителяхъ не могутъ проявить, какъ слѣдуетъ, надзора почти за четырьмя тысячами студентовъ.

в) Профессора и преподаватели Университета, не сумѣвшіе, а можетъ быть поставленные въ физическую невозможность заслужить полное довѣріе учащейся молодежи, путемъ большаго общенія съ нею, при чемъ произнесеніе нѣкоторыми изъ нихъ на студенческихъ вечеринкахъ рѣчей на зажигательныя темы „марксизмъ“, „народничество“ и т. п. представляется по меньшей мѣрѣ неумѣстнымъ.

г) Правленіе Университета, составившее списки подлежащихъ административной высылкѣ студентовъ безъ должной осмотрительности и недостаточно обдуманно.

2) Чины полиціи, а въ частности:

а) Градоначальникъ, не объявившій въ свое время во всеобщее свѣдѣніе о тѣхъ путяхъ, которые открыты для движенія бывшихъ на актѣ публики и студентовъ, и отдавшій по полиціи не достаточно точный и опредѣленный приказъ, породившій недоразумѣнія въ его ближайшихъ исполнителяхъ, и, наконецъ, назначившій двухъ равноправныхъ начальниковъ въ важнѣйшемъ районѣ дѣйствій полиціи.

б) Капитанъ баронъ Нолькенъ и ротмистръ Галле, своими неумѣстными и недостаточно обдуманными распоряженіями искусственно создавшіе толпу, которая вовсе не имѣла намѣренія собираться.

в) Полковникъ Пирамидовъ, который, не будучи именованъ въ приказѣ, явился фактически третьимъ распорядителемъ на Васильевскомъ Островѣ и внесъ еще большую неопредѣленность въ дѣйствія полиціи.

г) Штабсъ-ротмистръ Владимировъ, имѣвшій порученіе лишь провести ввѣренную ему часть на Петровскую площадь, а вмѣсто того взявшій на себя разсѣяніе встрѣченной имъ толпы и не умѣвшій сдержать нижнихъ чиновъ своей части въ должномъ порядкѣ, послѣдствіемъ чего было самовольное употребленіе ими нагаекъ.

При этомъ подлежитъ отмѣтить грубое обращеніе нижнихъ чиновъ съ публикою и студентами и недостаточную выдержанность полиціи по отношенію къ проявленнымъ къ ней со стороны студентовъ выходкамъ, что особенно ярко бросается въ глаза при сопоставленіи образа дѣйствій полиціи на Васильевскомъ Островѣ съ благоразумнымъ и умѣлымъ обращеніемъ генераль-маіора Ёсипова въ находившихся въ его отрядѣ чиновъ съ публикою и студентами.

3) Студенты Университета (имена отдѣльныхъ участвовавшихъ въ безпорядкахъ студентовъ приведены въ текстѣ настоящаго доклада), дозволившіе себѣ выразить на торжественномъ актѣ публично неудовольствіе своему непосредственному начальству—ректору, участвовавшіе затѣмъ въ недозволенныхъ сходкахъ и предпринявшіе забастовку въ цѣляхъ закрытія Университета, а для правильнаго веденія оной, образовавшіе тайныя кружки и организацію; они же несомнѣнно виновны въ томъ, что первые подали поводъ къ столкновенію съ полиціей, позволивъ себѣ безъ всякой надобности бросать снѣжки въ вахмистра Скольмейстера и сопровождавшаго его городского, а затѣмъ встрѣтивъ тѣми же снѣжками, лопатами и т. п. орудіями подходившій къ нимъ отрядъ штабсъ-ротмистра Владимирова.

Не подлежитъ сомнѣнію, что среди столичной университетской молодежи, собранной изъ различныхъ мѣстностей имперіи и изъ разныхъ слоевъ общества, всегда найдется извѣстное число лицъ, увлекающихся разнаго рода политическими теоріями. Этому способствуетъ то обстоятельство, что студенты ничѣмъ не связаны между собой, ни внутри университета, ни внѣ его стѣнъ, напротивъ, искусственно разобщаются, а между тѣмъ молодежь, только что прошедшая среднюю школу, со свойственнымъ ей корпоративнымъ духомъ, склонна къ общенію, къ единенію въ кружки, хотя бы для совмѣстнаго чтенія, развлеченій и занятій.

Не подлежитъ въ равной мѣрѣ сомнѣнію и то, что въ настоящее время среди университетской молодежи есть лица, склонныя къ политическимъ лжеученіямъ, но несомнѣнно, что движеніе, выразившееся въ безпорядкахъ, имѣвшихъ мѣсто съ 8 февраля по 3 марта вклю-

чительно, было чуждо всяких осложнений политического характера.

По отзывамъ компетентныхъ лицъ изъ среды заслуженныхъ лицъ, опытныхъ профессоровъ и преподавателей, связывать настоящіе студенческіе беспорядки съ политическими движеніями прежнихъ лѣтъ не представляется никакихъ оснований: на всѣхъ сходкахъ и во всѣхъ нелегальныхъ изданіяхъ указаннаго періода не было ни одного намека на желаніе придать беспорядкамъ политической характеръ. Справедливость этого подтверждается:

1) Категорическимъ удостовѣреніемъ академикомъ Фаминцына и Бекетова въ ихъ всеподданнѣйшемъ докладѣ.

2) Удостовѣреніемъ управляющаго учебнымъ округомъ, ректора университета и инспектора студентовъ въ отобраніи отъ нихъ показаній.

3) Показаніемъ начальника охраннаго отдѣленія, полк. Пирамидова, усматривающаго политическую подкладку лишь въ дальнѣйшихъ стадіяхъ движенія, и то не въ смыслѣ какого-либо опредѣленнаго заговора или преступленія, а въ смыслѣ политическаго протеста противъ существующаго государственнаго строя; беспорядки же на актѣ и при столкновеніи съ полиціей не имѣли, по словамъ его, политическаго характера, если не считать извѣстный фактъ, что въ программахъ дѣйствій студенческихъ организацій поставляется необходимымъ въ болѣе или менѣе важные моменты хода общественной жизни устраивать крупныя массовыя демонстраціи, чтобы тѣмъ самымъ причинить правительству нѣкоторыя затрудненія.

4) Показаніями студентовъ, упорно отрицающихъ это обстоятельство и удостовѣряющихъ, что еслибъ явилось подобное осложненіе, если бы, какъ говорить одинъ изъ нихъ: „въ нашу исторію вмѣшалась хоть капля политики, то по крайней мѣрѣ 99 проц. изъ числа студентовъ немедленно отказались бы отъ всякаго участія въ движеніи“ (показанія Вырубаева и отчасти Клеванскаго).

5) Подтверженіемъ полной достовѣрности приведенныхъ отзывовъ и показаній чиновъ учебнаго персо-

нала и студентовъ представляется отсутствіе какого-либо фактическаго матеріала, могущаго служить хотя бы слабымъ доказательствомъ существованія въ движеніи студентовъ за указанное выше время политической подкладки.

Задачи тайной студенческой кассы взаимопомощи, не принимавшей участія въ движеніи и руководившаго послѣднимъ также тайнаго организаціоннаго комитета достаточно выяснены разслѣдованіемъ и не даютъ никакихъ оснований видѣть въ ихъ дѣятельности какую-либо скрытую цѣль политическаго характера, а напротивъ, указываютъ, что вся цѣль этого движенія было желаніе обратить на себя вниманіе начальства и общества. Нельзя, конечно, отрицать того, что волнующаяся, предоставленная самой себѣ и переставшая учиться молодежь представляетъ готовую почву для пропаганды злонамѣренныхъ лицъ, которыя могутъ, пользуясь беспорядками, увлечь извѣстную часть этой молодежи; но во время, которое обнималось разслѣдованіемъ, такихъ увлеченій несомнѣнно не было; они не могли бы имѣть мѣста и впоследствии (если то было движеніе политическаго характера), если бы въ первые дни беспорядковъ на нихъ было обращено должное вниманіе и приняты надлежащія мѣры для ихъ прекращенія.

Что касается до общихъ причинъ беспорядковъ, то онѣ кроются глубже: онѣ лежатъ въ полной безпризорности учащейся молодежи, въ предоставленіи ей самой себѣ, въ отсутствіи за ней надзора со стороны учебнаго начальства; въ крайней разобщенности студентовъ какъ между собою, такъ и съ профессорами и инспекціей; въ переполненіи университета слушателями, превышающемъ даже вмѣстимость самаго заведенія; въ недостаточной осмотрительности при выборѣ профессоровъ и преподавателей, въ число коихъ, въ особенности среди молодыхъ приватъ-доцентовъ, попадаютъ люди лжelibеральнаго направленія; въ обремененности профессоромъ занятіями въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ; въ гонорарной системѣ вознагражденія профессоромъ и приватъ-доцентовъ, вызывающей между ними нежелательную конкуренцію; въ обиліи классическихъ гимназій и недостаткѣ профессиональныхъ школъ, а равно

и въ несоотвѣтствіи потребностямъ времени количества высшихъ учебныхъ заведеній, благодаря чему университеты переполняются молодыми людьми или непопавшими, по условіямъ высокаго конкурса, въ эти учебныя заведенія, или стремящимися попасть туда и смотрящими на университетъ лишь какъ на временное пристанище, а посему и не склонными заниматься въ немъ, какъ слѣдуетъ; въ недостаточной обеспеченности студенчества, добывающаго средства къ жизни уроками и даже занятіями въ частныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ въ ущербъ учебному времени, и, наконецъ, въ недостаткахъ университетскаго устава 1884 года и въ ненадлежащей постановкѣ школьнаго дѣла въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Немедленный пересмотръ уставовъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, а въ связи съ этимъ съ условій жизни учащейся молодежи представляется главнѣйшимъ средствомъ къ устраненію возможности возникновенія безпорядковъ на будущее время, но такъ какъ онъ потребовалъ бы много труда, а главное времени, то казалось бы возможнымъ нынѣ же предпринять нѣкоторое частное исправленіе уставовъ.

Такими частными измѣненіями могли бы быть:

1) Установленіе количества студентовъ въ соотвѣтствіи съ вмѣстимостью Университета, ибо въ настоящее время послѣдній не можетъ вмѣстить въ себѣ всѣхъ студентовъ, если бѣ они явились туда одновременно.

2) Установленіе контроля надъ занятіями студентовъ. Въ настоящее время большинство лучшихъ профессоровъ имѣютъ массу лекцій, уроковъ и занятій въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ или совмѣщаютъ свое званіе со службою въ другихъ учрежденіяхъ, почему и не могутъ отдавать студентамъ болѣе того времени, которое назначено на чтеніе лекцій, что въ извѣстной степени объясняется незначительностью получаемого ими содержанія. Посему, если не возможно увеличеніе послѣдняго и ограниченіе количества постороннихъ занятій профессоровъ, то желательно назначеніе особыхъ къ нимъ ассистентовъ, которые по ихъ указаніямъ и руководили бы занятіями студентовъ.

3) Измѣненіе гонорарной системы вознагражденія

профессоровъ. Въ настоящее время сверхъ платы въ пользу Университета, студентъ уплачиваетъ въ пользу отдѣльныхъ преподавателей, лекціями которыхъ онъ желаетъ пользоваться, по одному рублю за недѣльную часть въ полугодіе (ст. 529 т. II ч. 5). Размѣры получаемой профессорами гонорарной платы, завися отъ количества слушателей, крайне различны. Въ 1897—9 г., какъ видно изъ официальныхъ свѣдѣній, они колебались между 6 рублями въ годъ (профессоръ восточныхъ языковъ Цагарели, читающій 6 час. въ недѣлю) и 6690 руб. въ годъ (проф. юридическаго факультета Сергѣевичъ, читающій 5 час. въ недѣлю). Желаніе привлечь большее число слушателей порождаетъ между лекторами одного и того же предмета, а главнымъ образомъ между молодыми приватъ-доцентами конкуренцію, заигрываніе со студентами, игру въ либерализмъ, послабленіе экзаменаціонныхъ требованій и т. п. Посему желательно было бы установить распределеніе гонорарной платы между профессорами не по числу слушателей, а соотвѣтственно количеству прочитанныхъ каждымъ изъ нихъ лекцій.

4) Усиленіе и преобразование инспекціи, такъ какъ нынѣ она въ составѣ инспектора и 5 (по штату 6) его помощниковъ, изъ коихъ одинъ несетъ спеціальныя обязанности въ коллегіи Имп. Александра II, поставлена въ невозможность имѣть надзоръ почти за 5000 чел. студентовъ, чему мало помогаютъ 11 служителей изъ нижнихъ чиновъ, особенно, если принять во вниманіе обремененіе инспекціи разнаго рода чисто канцелярскими обязанностями.

5) Отмѣна Высочайше утвержденныхъ Министромъ Нар. Просв. правилъ и соотвѣтствующее измѣненіе 523 ст. XI т. ч. I, въ силу которыхъ студенты считаются лишь отдѣльными посѣтителями Университета и подлежатъ вѣдѣнію полицейскихъ установленій на общемъ основаніи, что не освобождаетъ ихъ отъ повиновенія своему университетскому начальству и внѣ стѣнъ Университета. Необходимо установленіе болѣе прочной связи между студентами и ихъ учебнымъ начальствомъ и подчиненіе ихъ прежде всего послѣднему и затѣмъ уже полиціи на общемъ основаніи.

6) Введение съ должной осторожностью постепенно и въ предѣлахъ возможности начала корпоративнаго устройства студентовъ, что необходимо потому, что корпораціи эти, несмотря на воспрещеніе ихъ, существуютъ во всѣхъ столичныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и, будучи тайными, легко могутъ служить ядромъ и организаціей при большинствѣ студенческихъ волненій. Существованіе этихъ корпорацій объясняется безпризорностью учащейся молодежи; въ особенно трудномъ положеніи находятся пріѣзжіе студенты перваго курса, только что оставившіе провинціальныя гимназіи при строгомъ надзорѣ за поведеніемъ и попавшіе въ большой городъ въ новыя условія жизни, безъ семьи, родныхъ и знакомыхъ, безъ всякаго надзора при полной свободѣ посѣщенія всякаго рода не доступныхъ для гимназиста увеселительныхъ заведеній.

Такая молодежь естественно ищетъ въ столицѣ своихъ земляковъ и старшихъ товарищей и, нуждаясь въ пособіи деньгами или книгами, попадаетъ въ запрещенныя кружки и кассы. Справедливость этого подтверждается указаннымъ выше обстоятельствомъ, что членами кассы взаимопомощи являются преимущественно студенты изъ провинціальныя гимназій и главнымъ образомъ младшихъ курсовъ. Необходимо поэтому признать молодежь, предоставленіе ей возможности вступить въ студенческую семью и стать въ общеніе съ начальствомъ заведенія.

Въ сихъ видахъ возможно было бы учрежденіе курсовыхъ старостъ и курсовыхъ сходовъ, по примѣру Военно-Медицинской Академіи, съ точнымъ опредѣленіемъ предѣловъ ихъ вѣдѣнія и обязанностей; учрежденіе студенческой кассы и бібліотеки подъ надзоромъ университетскаго начальства и съ періодическою ревизіей книгъ и отчетовъ.

Узаконеніе этихъ, вызываемыхъ самой жизнью, и существующихъ, несмотря на воспрещеніе, учреждений подъ строгимъ контролемъ начальства отниметь у нихъ всю прелесть тайности обществъ, послужить средствомъ сближенія учащихся съ ихъ начальствомъ и дать послѣднему возможность благодѣтельно и умиротворяюще дѣйствовать на увлекающуюся молодежь.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА НОВОЕ РОСКОШНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Русскій музей Императора Александра III.

Текстъ и редація М. М. Дальневича.

Альбомъ in folio, заключающій въ себѣ 235 снимковъ съ картинъ и скульптурныхъ произведеній русскихъ художниковъ, находящихся въ Русскомъ Музеѣ Императора Александра III; изъ нихъ 64 большихъ геліографюръ (размѣръ $11\frac{1}{2} \times 9$ вер.), изготовленныхъ на отдельныхныхъ листахъ заграничной бумаги художественными мастерскими Поставшиковъ Двора Е. И. В. Т-во Р. Голикъ и А. Вильборгъ*; остальные снимки воспроизведены автотипическимъ способомъ и напечатаны на особой бумагѣ въ текстѣ; клише для нихъ изготовлены въ тѣхъ же мастерскихъ. Текстъ заключаетъ въ себѣ историческій очеркъ развитія русской живописи и составленъ на основаніи произведеній, хранящихся въ музеѣ.

Все изданіе состоитъ изъ 16-ти выпусковъ, которые будутъ выходить ежемѣсячно.

Каждый выпускъ содержитъ въ себѣ 4 геліографіи на отдельныхныхъ листахъ и 1—2 печатныхъ листа (4—8 страницъ in folio) текста съ автотипическими воспроизведеніями.

Вышли выпуски: I, II, и III.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

- 1) Подписка допускается только на полное изданіе.
- 2) Стоимость каждаго выпуска по подпискѣ—безъ пересылки 4 р., съ пересылкой 4 р. 25 к.
- 3) При подпискѣ вносится въ видѣ задатка 4 р. или 4 р. 25 к., которыми оплачивается послѣдній выпускъ изданія.
- 4) При полученіи каждаго выпуска—кромѣ послѣдняго, какъ уже оплаченнаго—уплачивается безъ пересылки по 4 р., съ пересылкой по 4 р. 25 к.
- 5) Отдѣльно выпуски не продаются.
- 6) Для ознакомленія съ изданіемъ можетъ быть высланъ первый выпускъ за 4 р., съ пересылкою 4 р. 25 к. Затѣмъ желающій быть подписчикомъ на изданіе вноситъ задатокъ, какъ указано въ § 3, и получаетъ слѣдующіе выпуски установленнымъ порядкомъ.

Требованія и деньги адресовать на имя Книгоиздательства
В. С. Туманина, С.-Петербургъ Верейская № 27.